

вдруг так рассмеялись, что одна из них рухнула от смеха на прилавок. Я стоял ошарашенный и растерянный, пока одна из раздатчиц не пришла в себя и не объяснила мне, деревенщине, что суп не с «кабанчиками», а с кабачками. А это две огромные разницы, ибо «кабанчик» – это свинья, а кабачок – это овощ типа тыквы, и у меня в тарелке кусочки кабачка есть. Я же и не слышал о таком овоще, так как в деревне у нас его не выращивали.

Экзамены я сдал хорошо, точно оценок не помню, но, судя по конкурсу 2,8 человека на место на строительную специальность, которая считалась более престижной, чем путейская, они были, наверное, отличные.

Запомнилось непонятное мне до сих пор происшествие во время этих экзаменов. Так как здание общежития ремонтировалось, то абитуриентов разместили в полуподвальных комнатах с арочными сводами по 15–20 человек в каждой. Окна с улицы были зарешечены металлическими прутьями, кроме узких проемов для форточек. Но однажды ночью кто-то все-таки проник в нашу комнату и перетряхнул вещи каждого, в том числе лежащие под подушками у некоторых особо опасующихся воровства абитуриентов. Искали и забрали в первую очередь деньги (у меня тоже нашли одну из двух зачек), у некоторых – и приличную одежду. Утром, проснувшись, все увидели разбросанные по полу личные вещи и отсутствие кое-каких из них. Руководство техникума и сотрудники милиции не могли понять, как при запертой изнутри двери и таких маленьких форточках воры сюда проникли, как смогли они вынести так много одежды, почему не проснулся никто из 20 человек, ибо для обшаривания понадобилось не менее 30 минут, тем более что наверняка был какой-то шум и включались электрические фонарики. Предположили даже, что кто-то из проживающих являлся сообщником воров, и потому каждого из нас допрашивали по 2–3 раза, заставляли вспомнить и изложить письменно поведение сотоварищей в прошедшие сутки. Но ничего так и не выяснили. В конце концов, решили, что через форточку в нашу комнату впустили какое-то усыпляющее вещество, затем через нее влез ребенок и открыл дверь для взрослых, которые в противогазах или защитных масках и произвели «шмон». Ни воров, ни пропавших вещей милиция так и не нашла, а, вероятно, в те времена и не искала.

10. СТУДЕНТ РЯЗАНСКОГО ТЕХНИКУМА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

С 1 сентября 1946 года начался незабываемый для меня период четырехгодичного обучения в Рязанском техникуме железнодорожного транспорта. В этот год набирали по четыре группы студентов – на строительное (куда попал и я и считавшееся более престижным) и путейское отделения. В нашей группе было в первые два года 29 мальчиков, 17 человек были жителями Рязани. В конце успешной учебы мы получили в 1950 году звание и специальность «техник-лейтенант

пути и строительства» (тогда железная дорога оставалась еще на военном положении).

В первый же учебный день директор техникума инженер-полковник Иван Алексеевич Богатырев, человек богатырского телосложения и с басистым голосом, провел в конференц-зале общее собрание студентов. Он рассказал об истории создания техникума, людях с известными фамилиями, выходцах из стен этого заведения, и призвал нас сразу же серьезно отнестись к учебе и познакомил с преподавателями. Особенно серьезно просил обратить внимание на практические и лабораторные занятия. Просил не стесняться задавать вопросы, пока весь материал не будет понят. Такое указание дано всем преподавателям, ну а при каких-то сомнениях можно, не стесняясь, заходить и к нему. Затем выступили руководители путейского и строительного отделений инженер-майоры А. М. Буркун и В. Н. Стрельников и кратко рассказали об истории создания именно этих направлений в техникуме.

И началась учеба по 6–7 часов ежедневно. Преподавателями были мужчины, женщин было только двое: одна вела курс немецкого языка, вторая – математику. Все четыре года преподавались общеобразовательные предметы: русский язык и литература, алгебра с элементами высшей математики, иностранный язык, история, физкультура и спорт, военное дело. Жаль, что не было географии. Ее я вообще любил и переживал, что мы ее не изучали. Далее шли спецпредметы, то есть технология строительных материалов, здания и сооружения, железнодорожный путь, мосты и тоннели, геодезия, бетонные конструкции, строительные механизмы, проектирование зданий и путей, экономика и планирование, организация строительных работ. Изучение перечисленных дисциплин проводилось достаточно интенсивно с кратким обязательным опросом пройденного накануне материала и выставлением оценок. Стоило пропустить хотя бы один день, догонять затем было сложно. Я для себя принял за правило внимательно слушать лекции и кратко их записывать, повторяя затем в общежитии материал из учебников. Учился я по всем предметам на «отлично», кроме военного дела, и получил повышенную стипендию. Правда, еще два студента – А. И. Ивановский (он отслужил три года в армии) и Н. И. Колдашов – сразу заявили, что будут учиться только «на отлично», чтобы по окончании техникума их приняли без экзаменов в Московский институт железнодорожного транспорта. И они действительно были отличниками, но реализовали ли свои мечты – не знаю.

У меня свободного времени оставалось очень мало, так как я посещал еще Рязанский радиоклуб, где интересные для меня занятия проводились тогда три раза в неделю по вечерам. У жителей Рязани соблазнов было гораздо больше, поэтому они и учились хуже приезжих.

Общежитие – трехэтажное здание, пристроенное к учебному корпусу, оказалось достаточно приличным, хотя в первые два года мы жили по 4–6 человек в комнате, а с третьего курса – уже в двухместных «номерах». Вход в «общагу» был строго по пропускам. Комендант общежития (отставной подполковник) и

руководство техникума часто в вечернее время делали обходы по комнатам, интересуясь бытом студентов и выясняя трудности проживания и обучения. Раз в месяц такие обходы делал и директор техникума. Он с семьей жил в 5-комнатном одноэтажном рубленом доме, стоявшем на достаточно большой общей, огороженной высоким каменным забором, территории техникума, на которой находились все здания техникума, включая учебный и лабораторный корпуса, мастерские, столовую и ряд хозяйственных построек. Здесь же имелся и «полигон», так звали студенты тоже отдельно огороженную территорию, на которой проводились на воздухе все военные занятия со студентами, а также часть железнодорожного пути с соответствующим стрелочным и иным оборудованием. Сын директора – Анатолий – учился в нашей группе. Он был компанейский парень, нос не задира, и я с ним быстро подружился из-за музыкальных пристрастий, неоднократно бывал у него дома. Анатолий осваивал игру на саксофоне, а я, еще в деревне, научился играть на балалайке, которую сделал сам. В техникуме был музыкальный ансамбль, и мы оба записались в него, участвуя вечерами в репетициях. Правда, вскоре руководитель ансамбля попросил меня освоить игру на мандолине, так как два балалаечника-студента уже были. Мне нравилось звучание мандолины, и я с удовольствием начал учиться играть на ней, тем более что ранее сам мечтал купить ее, но все упиралось в отсутствие денег. А тут бесплатно выдали под роспись сей новый музыкальный инструмент в «общагу» с обязательным участием в репетициях ансамбля. Мое освоение мандолины сразу пошло успешно, так как здесь есть некая аналогия с изучением иностранного языка. Если ты один язык хорошо знаешь и разговариваешь на нем, то второй и третий языки тоже быстро можешь освоить. Пальцы мои при игре на балалайке были уже развиты, слух музыкальный какой-то имелся, что в совокупности и способствовало обучению игры. Ансамбль регулярно выступал на праздниках в техникуме, приглашался на разные общественные мероприятия в городе, был призером областных музыкальных смотров. Совместные репетиции и выступления сблизили меня и Анатолия. (Кстати говоря, Анатолий окончил техникум с красным дипломом, затем – Московский институт инженеров железнодорожного транспорта и защитил кандидатскую диссертацию, потом читал лекции в каком-то институте в Ленинграде.)

Техникум располагался на улице Каляева рядом с Рязанским медицинским институтом, а напротив техникума было Рязанское военное артиллерийское училище. За стоявшими на плацу пушками и минометами, а также за обучением курсантов мы нередко наблюдали из окон третьего этажа учебного корпуса и даже научились распознавать типы этих орудий. Руководитель духового военного оркестра этого училища майор Фейгин являлся и руководителем нашего музансамбля.

Техникум – одно из старейших учебных заведений Рязанской области. Его основали в 1920 году, и назывался он «Рязанское строительное среднее техническое училище путей сообщения». В настоящее время – это Рязанский

техникум железнодорожного транспорта им. Б. Н. Веденисова. (Б. Н. Веденисов – генерал-лейтенант инженерной службы, лауреат Сталинской премии, творец путевой науки, заведующий кафедрой Московского института инженеров транспорта, активно руководил восстановлением разрушенных во время Великой Отечественной войны железных дорог, затем – строительством новых путей и промышленных предприятий министерства путей сообщения.) После моего окончания техникума в его дворе были сооружены новые четырехэтажное здание общежития, четырехэтажный учебный корпус, учебные мастерские, спортивный зал. То общежитие, в котором жил я, реконструировано в учебные кабинеты. В настоящее время здесь готовят специалистов на пяти отделениях: строительство и эксплуатация путевого хозяйства железнодорожного транспорта, промышленное и гражданское строительство, строительство водопроводных и канализационных сетей и сооружений, электротяговое хозяйство, техническое обслуживание и ремонт тягового подвижного состава и техническое обслуживание и ремонт вагонов и рефрижераторов подвижного состава. Когда в 1990 году праздновался 70-летний юбилей техникума, то мне его «дирекция, партийное бюро и общественные организации» официально прислали приглашение приехать на эти торжества. Как они узнали мой адрес, мне неизвестно, ибо я после окончания техникума там ни разу не был (о чем сейчас сожалею, так как, наверное, узнал бы там адреса некоторых однокурсников), свои координаты никогда туда не сообщал. Но я поехать в то время не смог – было много дел. В присланном мне позже памятном альбоме я занесен в список выдающихся его выпускников (наряду с генералом, дипломатом, послом и тремя академиками) как «...единственный выпускник – лауреат Ленинской премии в области науки и техники, много сделавший для укрепления обороны Отечества».

На первом же организационном уроке куратор нашей группы (он оставался им в течение всего периода обучения) – инженер-капитан Николай Михайлович Юрьев, квалифицированный преподаватель русского языка и литературы, знаток древнегреческой и дореволюционной русской литературы, объяснил нам следующее. Учебный процесс в техникуме достаточно жесткий, любое отсутствие на уроках потребует написания объяснительной записки с указанием уважительной причины. Общеобразовательных и дисциплин по специальности очень много, поэтому их осваивать и изучать нужно систематически, начиная с сегодняшнего дня. Требования к изучению предметов строгие с еженедельной проверкой знаний практически каждого. Будет много заданий для самостоятельного изучения. Предметы по специальности начнутся уже со второго семестра. При получении неудовлетворительной оценки за четверть последует немедленное отчисление из техникума.

Это сразу настроило многих из нас на серьезный подход к учебе без «сачкования». В нашей группе оказалось восемь человек, призванных в период Великой Отечественной войны из техникумов в армию и теперь демобилизованных для продолжения обучения, ибо страна нуждалась в специалистах для восста-

новления разрушенного народного хозяйства. Мы, недавние семиклассники, называли их стариками, и они не обижались, считали, что они действительно много взрослее нас, хотя было-то им по 20–22 года. Они все имели награды, трое были ранены. При приеме на учебу им сделали большие послабления. И это правильно, так как за время нахождения в армии и на войне многое из изучаемого в школе они забыли, а восстановить знания в полной мере еще не успели. Двое из них являлись жителями Рязани, шестеро – поселились в общежитии. Один из таких «стариков» – Ивановский Александр Иванович – жил в общежитии, и его администрация техникума назначила старостой нашей группы. Кандидатура его оказалась очень удачной. Он быстрее других освоился на «гражданке», учился только на «отлично», закончил техникум с красным дипломом и был принят без экзаменов в Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта. Он был очень коммуникабельным и рассудительным, хорошо играл на гитаре и хорошо пел. Следует признать, что в немалой степени благодаря ему наша группа оказалась сплоченной и лучшей в учебе, участвовала активно в спортивно-массовых мероприятиях. А несколько ребят не отчислили из-за неуспеваемости по его заступничеству, так как он лучше других знал причины их неудач в учебе. Впоследствии все они успешно окончили техникум.

Примерно через месяц после начала занятий нам объявили, что обещанную форменную железнодорожную одежду нам не выдадут вообще в связи изменением (?) обстоятельств в министерстве путей сообщения. А я так надеялся пощеголять, особенно в деревне, в новой красивой форме. К тому же мое пальто требовало уже замены, так как пошито оно было из поношенной солдатской шинели, выкрашенной матерью в черный цвет.

На первом курсе мне очень нравилось преподавание алгебры и геометрии, а затем – тригонометрии и стереометрии инженер-капитаном Софьей Александровной (фамилию забыл), которая всегда была аккуратно одета в отглаженную форму с погонами. Она четко, с акцентом на ключевых моментах, не тратя время на лишние разговоры, последовательно и образно излагала эти предметы. И если внимательно ее слушать, зная уже пройденный материал, то дома можно было учебник не открывать. Для примера привожу объяснение Софьей Александровной системы декартовых координат по стереометрии. Она встает в угол кабинета и, показывая перпендикулярно расходящиеся линии пересечения стен с полом, называет одну из линий осью «х», а вторую – осью «у». Эти оси образуют плоскость «х-у», каковою является пол (при этом громко топает ногой по полу). «Вот я сделала от угла три шага по оси «х», а затем перпендикулярно два шага по направлению оси «у». Значит, координаты стоп моих ног таковы: «х» = 3 шага, «у» = 2 шага. Таким образом, положение ног в этой плоскости четко определено указанными величинами координат. А пересечения двух стен образуют еще одну линию – ось «z», то есть третью ось декартовой системы координат, называемой еще прямоугольной системой координат, так как все три ее оси взаимно перпендикулярны. Вот, если на оси «z» отметить координату моей головы, ска-

жем равную двум шагам, то, значит, моя фигура, а точнее, соответствующая ей прямая линия, четко зафиксирована в объемном пространстве этих трех осей их величинами «х, у, z» и т. д. К сожалению, примерно треть группы качественными знаниями предыдущего материала не обладала, особенно страдали этим городские ребята. В отличие от проживающих в общежитии студентов у них имелось гораздо больше соблазнов тратить свое время на различные увлечения и потому оставалось его мало на выполнение домашних заданий. В результате на уроках они часто получали неудовлетворительные оценки и к концу второго года обучения по результатам четырех прошедших семестров семеро из них были отчислены за неуспеваемость только по математическим и геометрическим дисциплинам. Правда, большинству «стариков» математические знания давались тоже трудно, хотя они очень старались освоить эти дисциплины, и мы, молодежь, много им помогали. Но был один из них – Михаил Головин, очень острый на язык и веселый «старик», у которого никакие математические и геометрические знания не укладывались в голове, хотя мы с ним по просьбе старосты дополнительно занимались. Он знал очень много, как тогда говорили, блатных песен (теперь – «дворовых») и неплохо исполнял их «по-бардовски» под аккомпанемент гитары. В послеперестроечное время значительное число этих песен прозвучало в популярной телепередаче «К нам в гавань заходили корабли» и было опубликовано в песенниках под названием этой передачи. У меня есть один из них, и, изредка просматривая его, я зрительно представляю Мишку Головина и свою техникумовскую молодость первого года учебы. Одну из любимых им песен я так ни разу нигде и не услышал. В рифмованной форме я ее всю не помню, а содержание тривиальное, одно из типичных для таких «произведений». Молодой человек влюбился, девушка назначила встречу на окраине городского парка. Он пришел туда, ждет, любуется прекрасной весенней природой, настроение отличное. Да и соловей начал разливать для своей соловьиной разнообразные трели и выделять коленца. Но нет девушки, не идет, а тут и сумерки наступили. Вдруг из-за кустов вышел громила, схватил молодого человека лапищами, как клещами, и потребовал быстро скинуть все шмотки. А далее привожу уже рифмы:

*Я поднял крик. Но в тот же миг
Он по главе меня дубиной ошаршил.
Костюм содрал. А сам удрал.
Оставил в том, в чем родила меня мамаша.*

*Очнулся я. Каркас болит
И ноет будто после страшной порки.
И на меня трель соловья
Сильнее действует, чем порция касторки.*

И заканчивается песня таким выводом: понравилась девушка – сразу женись, не ковыряйся в любви, точно повезет больше, чем в данной ситуации, и все будет, как у соловья.

Вернусь к Михаилу. Создает же иногда природа людей, которые к чему-то одному совершенно не пригодны. Вот и у Михаила за первую четверть, а затем и за вторую отметки по математическим и геометрическим дисциплинам были сплошь неудовлетворительные. Он понимал свою беспомощность, но сделать ничего не мог и, задумываясь о дальнейшей своей судьбе, часто мурлыкал вслух полублатную песенку с намеком в припеве о вредной математичке Софье Александровне:

*Готов полжизни я отдать,
Лишь только б Софью уломать...
Софья Александровна! Где ты теперь?*

После первого семестра Михаила официально отчислили из техникума, не пощадили «старика-вояку». Он быстренько обратился с документами в ветеринарный техникум, и его приняли на второй семестр с проживанием в общежитии. Так как наш поезд останавливался на станции Варские, недалеко от которой находился этот техникум, то Михаила я по несколько раз в году встречал у вокзального здания. Он говорил, что доволен удачно сложившимися обстоятельствами, что полученные в железнодорожном техникуме математические и геометрические знания позволили ему быть здесь отличником по этим дисциплинам. Еще ему нравилось, что у них практические занятия по ветеринарии и сельскому хозяйству начались уже на первом курсе и студенты часто бывают на практике в близлежащих совхозах и колхозах. Кроме того, они помогают там выращивать и убирать урожай. За это их там кормили, да и всегда можно было что-то съестное прихватить и с собой. В то полуголодное время это очень много значило. Главное же, он действительно нашел свое дело. Знаю, что техникум он успешно закончил, но затем след его затерялся.

Очень интересно преподавал русский язык и литературу наш куратор Николай Михайлович Юрьев. В царское время он закончил духовную семинарию, был в первые годы советской власти священником, затем сан с себя сложил и закончил еще филологический факультет какого-то педагогического института. Он очень красиво строил свою речь, пересыпая ее пословицами и поговорками, а также всяческими рифмовками из древнегреческих, дореволюционных и советских поэтов. Много рассказывал нам о литературно-исторических событиях сверх программы. Пользуясь тем, что группа была первые два года мужской, он знакомил нас с эротическими, как их теперь называют и печатают, произведениями русских писателей – Пушкина, Толстого, Чехова, Лермонтова и других, чем очень удивлял нас, так как про это в биографиях великих людей умалчивалось. Знал и читал наизусть стихотворные опусы предшественника Пушкина – И. С. Баркова, наиболее широко известного народу по поэме «Лука М...щев». Эту поэму я уже читал и потому мне запомнился другой пересказанный Юрьевым фривольный стих И. С. Баркова с необычными сочетаниями латинских и русских слов:

*Элеванты, элэфанты
И лесные сраки.
И орлы, поднявшись в монты,
Учиняют браки.*

(«Элеванты», «элэфанты» – мамонты, слоны по латыни; «монты» – горы; «сраки» – от сокращенного русского слова «сороки».) А вот после второго курса в нашей группе появились девочки и Юрьев вынужден был воздерживаться от фривольных высказываний.

Образно, четко и строго вел начертательную геометрию Иван Александрович Букринский (с четвертого семестра он преподавал нам еще геодезию). Мне «начерталка» давалась легко в связи с развитым пространственным и объемным воображением, а большинство учащихся осваивало материал с великим трудом, считая этот предмет чуть ли не самым сложным. Поэтому меня часто вызывали к доске для объяснения материала своим языком «слабомыслящим и туподумам». А когда студент неправильно отвечал или запутывался в своих рассуждениях, Букринский останавливал его и произносил свое коронное резюме: «Дорогой, зачем же тащить за хвост на крышу корову для дойки, когда надо просто ласково пригласить ее зайти для этого в приличный хлев!». Он нередко рассказывал нам интересные коллизии из своей жизни, в частности, когда он работал в Управлении картографии и геодезии СССР и когда с бригадой посредством геодезических приборов прокладывали от Балтийского моря трассы и переносили уровень поверхности воды моря в центральные области СССР. Уровень моря был принят по международному соглашению за «нуль», и потому положение данной точки местности или высота горы отсчитывается от поверхности воды Балтики (средний уровень поверхности воды Балтики зафиксирован репером в Кронштадте). Рассказывал нам он и анекдоты, которые в то время мало кто отваживался вслух на людях произносить. Их тогда никто не издавал в виде брошюр или книг, не печатал в газетах и не вещал по радио или телевидению. Считалось это безыдейщиной и пошлостью, а распространявшие их люди наказывались вплоть до тюремного заключения, особенно, если содержание анекдота как-то затрагивало советскую власть, членов Политбюро, Ленина, Сталина, Чапаева с Петькой и Анкой, построение социалистического и коммунистического общества. Анекдоты он рассказывал всегда к какому-нибудь случаю, чаще всего, когда слышал неправильный ответ учащегося. Он останавливал говорившего и произносил: «Дорогой, твоя сказка похожа на такой анекдот» – и далее следовал его пересказ. Вот один из запомнившихся. «Заболел как-то дедушка, и его положили в больницу. Бабушка стала ежедневно готовить ему вкусную еду и носить в палату. Как-то зарубила она петуха, зажарила его и сварила свежие яйца. Пришла в больницу с едой, поставила ее на стол и обратилась к принимающей медсестре с вопросом о здоровье деда. А та и говорит, что дед ее умер. Бабушка остолбенела, а потом громко заголосила, как это и принято было в деревнях в таких случаях: «Милый мой друг, умер ты вдруг, и лежат твои яйца, и стоят твои петух!».

На втором и третьем курсах Букринский вел у нас в группе геодезию и одновременно руководил практикой в полевых условиях с кипрегелями, буссолями, теодолитами, нивелирами и другими приборами. Чрезвычайно интересно, увлекательно и доходчиво преподносил он эту достаточно сложную дисциплину, и практически все студенты с удовольствием посещали занятия и неуспевающих не было, а после окончания техникума некоторые стали специализироваться именно по геодезии.

Вспоминается много интересного и забавного из случаев на геодезической практике. Например, в августе 1948 года половине нашей группы следовало сделать проект прокладки трассы железной дороги длиной около 8 километров недалеко от Рязани, которую затем предполагалось проложить к шпалопропиточному заводу (пропитка при высокой температуре деревянных шпал креозотом для длительной защиты их от гниения). Техникум за такой проект должен был получить какие-то деньги. Нам предстояло первоначально с помощью теодолитов и нивелиров, а также металлических мерных лент длиной по 100 метров составить топографическую карту предполагаемого пути довольно пересеченной местности шириной примерно в полтора километра. Затем по карте выбрать несколько вариантов прокладки дороги с минимумом земляных работ и искусственных сооружений, а также с максимальным сохранением сельскохозяйственных угодий колхозов и совхозов и из всех вариантов определить окончательную траекторию прохождения железной дороги и разработать на бумаге ее линейный проект со всеми требующимися по нормам уклонами, радиусами и

На геодезической практике в техникуме (я держу рейку)

переходами поворотов, привязками к сторонам света и к условному реперу высоты над уровнем моря головки рельс на всем пути. И вот мы с приборами, провизией и двумя палатками вышли утром пешком из Рязани и примерно через час попали на рабочее место, где огородили вешками подлежащую топографической съемке территорию, причем граница ее проходила в одном месте по окраине индивидуальных огородных участков довольно крепкого совхоза. Обед готовили на кострах в больших котлах. Обычно это была картошка в мундире. Чай пили травяной – из клевера, мяты, ромашки, пижмы и других растений. Вечером, возвратившись в общежитие усталыми и голодными, ужинали в столовой, а следующим утром опять топали на практику. Однако уже на второй или третий день местным жителям не понравилась наша суматоха рядом со своими засаженными картошкой участками, и к нам подошли три женщины, одна из которых представилась управляющей отделением совхоза, к которому относилась эта деревня, и задала вопрос, что тут мы делаем. Один из наших «стариков» объяснил им, что мы работаем над проектом железной дороги и что это согласовано с районным и областным начальством. Но мы вправе отодвинуть этот путь как вглубь огородов, так и в сторону от них. Сами, дескать, понимаете, что, если надо пустить дорогу мимо ваших участков, то просто так это не делается. Здесь на подряде вкалывают студенты-практиканты, люди полуголодные, и если вы – совхозники и колхозники – организуетесь и, пока мы здесь проводим геодезические работы, будете в течение 10 дней кормить нас молоком, творогом, овощами и хлебом, то мы перенесем трассу в сторону от ваших огородов. Одна из женщин начала было заводить и «качать» права, что станет жаловаться «наверх» и т. д., но две другие ее не поддержали, тем более что наш «старик-дипломат» разъяснил ей, что, пока она жалуется, половины картофельных участков мы уже частично вытопчем, а через 10 дней нас здесь не будет, и проект прокладки дороги утвердят, а паровоз через год станет ходить по их бывшим картофельным угольям. После этого женщины удалились, что-то обсуждая между собой. На другой день пришли две с большими корзинами с хлебом и молоком, творогом и сметаной, яйцами и огурцами. Нам они сказали, что сообща решили подкармливать нас, только если мы сегодня же перенесем вешки с огородов в сторону хотя бы метров на 50. Мы тут же согласились и переставили свои вешки (хотя ими отмечались только границы изыскиваемой полосы для прокладки дороги). Эта договоренность о нашем пропитании соблюдалась в течение 10 дней. Но дня через четыре об этом узнал Букринский, и нам крупно досталось от него за такой обман. Однако «старички» объяснили ему, что он лично ни в чем не виноват, ибо отсутствовал при нашей договоренности с селянами. А продукты в самом деле были свежие и вкусные, тем более что деревенские люди живут сейчас лучше городских, ибо выращивают многое на своих участках и держат домашнюю скотину. Немного поостыв, Букринский согласился с продлением такой продовольственной помощи нам, тем более что кормили селяне нас не покупными продуктами. Конечно, нехорошо было пользоваться доверием людей, но в то не очень сытное, а порой и

полугодное время мы себя проходимцами не чувствовали, так как больше всего мыслей у молодых было именно о еде, а такая ежедневная помощь с пропитанием очень здорово нам помогла и надолго запомнилась.

В параллельной строительной группе геодезию преподавал инженер-капитан Николай Федорович Моргунов. Мне его метод преподнесения материала нравился даже больше, чем преподавание Букринского. А так как его сын Александр учился в нашей группе, то я нередко с ним заходил в кабинет практики его отца, где находились современные геодезические приборы и был собран Николаем Федоровичем своего рода музей подобных приборов прошлого, в том числе и до-революционного времени. Здесь Моргунов-старший занимался исследованиями и разработкой ряда новых геодезических устройств, а также факультативно знакомил студентов своей группы (обычно приходили и студенты из других групп) со становлением геодезической науки. Как правило, несколько вечерних занятий посвящалось истории развития и создания одного какого-то типа приборов. С такими старинными приборами выходили на огороженную территорию двора техникума и пробовали работать на них и на современных подобных инструментах, сравнивая их характеристики и особенности. Впоследствии Николай Федорович написал учебники по геодезии для техникумов и институтов и задачник по геодезии, пользовавшиеся большим спросом. А его сын Александр после окончания техникума, отработав несколько лет по специальности, поступил учиться в Рязанский радиотехнический институт и закончил его. Он был оставлен для работы на кафедре. Затем отец и сын Моргуновы разработали и создали ряд радиотехнических устройств для серии геодезических приборов, существенно улучшив их рабочие характеристики. Александр защитил на основе этих исследований кандидатскую диссертацию. Большого успеха, всесоюзной известности и признания отец и сын достигли, создав установки для дистанционного «безлюдного» управления посредством радио по задаваемым программам работой тракторов в поле. В 1970-х годах Моргуновых и их разработки многократно показывали по телевидению, награждали премиями по итогам конкурсов. Я, будучи в командировке в Рязани, встречался, к сожалению, только однажды с Александром. Мы «хорошо посидели», с удовольствием вспомнили техникумовские годы, наших товарищей по учебе и интересные события тех лет.

На втором и третьем курсах мне нравилось также изучать сопротивление материалов, которое нам преподавал инженер-капитан Николай Г. Сухоруков (к сожалению, забыл его отчество). Эта дисциплина считается в техникумах и вузах одной из самых трудных. Для меня же она казалась понятной, интересной, точной и простой. Я с удовольствием решал по ней задачи даже сверх программы. Это очень помогло мне позже, когда я учился на вечернем отделении Московского инженерно-физического института, где «сопромат» тоже преподавался. Мне казалось, что вузовский материал был лишь немного сложнее техникумовского.

Попав из деревни в цивилизацию областного уровня, я сразу постарался приобрести максимум возможных знаний и умений, чего на селе получить было

нельзя. Кроме отмеченного выше участия в музансамбле, я три раза в неделю вечерами посещал теоретические и практические занятия в радиоклубе. Конечно, дополнительные общие знания по радиodelу я приобрел, но хотелось больше. Однако здесь уделяли максимум внимания почему-то только любительским связям в коротковолновом диапазоне. Посещал я почти полтора года и кружок бальных танцев.

Начал я заниматься вечерами и в группе бокса, так как уже в то время умение защитить себя было очень важным. Кое-что уже начало получаться через полгода, и тренер решил выпустить меня на бой с опытным боксером-разрядником. Бой я провел достаточно квалифицированно (так позже объяснил мне тренер), однако в конце третьего тайма попал под удар соперника, которым он отломил мне от корня зуб-резец в верхней челюсти. Тренер тут же втиснул обломок зуба на место и сказал, что далее я смогу заниматься боксом только после замены зуба на искусственный. На другой день врач-стоматолог, осмотрев мою челюсть и покачав зуб, сказал, что зуб сидит прочно и продержится еще десятки лет, а потому обтачивать соседние зубы и вставлять новый из нержавеющей стали (на золото я не тянул по финансовым соображениям) нецелесообразно. Но бокс придется бросить. Так завершилось мое желание научиться качественно драться и в первую очередь защищать себя при необходимости. Отмечу, что механически вставленный обломок зуба продержался у меня надежно до 73 лет и никогда не болел. Я даже забыл о таком дефекте, но однажды, когда разгрызал орех, вдруг выдавил зуб из челюсти. После этого он не стал крепко фиксироваться на своем месте, и потому я держу его в моем письменном столе, вставляя лишь изредка, по случаям «особо торжественных мероприятий». После бокса я начал заниматься тяжелой атлетикой под руководством нашего физрука – Анатолия Михайловича Ермакова, заслуженного мастера спорта СССР, неоднократного призера всесоюзных соревнований в среднем весе и чемпиона Российской Федерации по тяжелой атлетике. Больше года я осваивал жим, рывок и толчок штанги, нарастил немного бицепсы и мышцы ног, участвовал в соревнованиях. Но этот вид спорта был все-таки статичным и не очень нравился мне, хотя мускулистая фигура у долго тренирующихся штангистов казалась красивой (культуризм тогда еще не практиковался). Поэтому постепенно я от занятий этим видом спорта отошел.

Теперь вернусь к устройству нашего быта. Студентам выдавали на каждый месяц пять продовольственных карточек: на хлеб, мясо (0,8 кг/месяц), жиры (0,5 кг/месяц), крупу и сахар. Самым дефицитным считался черный хлеб, которого полагалось по 500 граммов на сутки, что явно было мало. За ним мы обычно бегали после уроков в магазин, находившийся от техникума метров в 250. Очень часто купленная пайка не доносилась до техникума, будучи полностью съеденной по пути, так как с голодухи невозможно было смотреть на него и потому периодически на ходу откусывались кусочки от пайки. Чтобы осталась хотя бы небольшая часть хлеба для еды с чем-нибудь горячим, мы обычно, купив его, тут же бросались обратно бежать, а не идти. При этом отоварить талон на день впе-

ред было нельзя. Сколько полагалось крупы и сахара – я не помню, но на мясную карточку давали собственно мясо (очень редко), рыбу или колбасу, в качестве жиров полагались маргарин, сливочное масло (чрезвычайно редко) или растительное, а на сахарную – конфеты или сахарный песок. Но выбора в магазине не было, из перечисленного лежало на прилавке что-то одно, и то не всегда. На завтрак каждый готовил на электроплитке что-то сам; я обычно от ужина оставлял для подогрева картофельное пюре. Обедали же практически все общежитские в столовой, где был какой-нибудь суп или щи и второе в виде каши, тушеных овощей, капусты или картошки. Если в магазине жировая карточка отоваривалась не полностью (как я обычно делал), то раздатчице в столовой позволяли из нее вырезать ножницами талончик на 5 или 10 граммов жиров, и тогда тебе в суп или во второе вплескивалась чайная ложечка или две растопленного сливочного или растительного масла. Можно было отдать и талончик на 20 граммов мяса, и тогда в супе оказывался еще кусочек мяса или рыбы. Хлеба не давали, и мы приносили его с собой, если удавалось сэкономить от пайка. Практически каждый деревенский житель привозил из дома много крахмала, из которого часто варили кисель из морса, продаваемого без карточек (морс – это чем-то искусственным розовоподкрашенная чуть сладковатая вода с сахарином). Я, как и все, тоже много таким образом употреблял крахмала, но иногда, если оставалось еще свиное соленое сало, пек на нем крахмальные блины. Думаю, что от обилия пропущенного через пищеварительный тракт морса и стал затем болеть мой желудок.

Я, как и другие учащиеся с нашей Мещерской Спас-Клепиковской и Тумской стороны, организованно через каждые 2–3 недели ездил домой за продуктами, главным образом за картошкой. Мне мать давала еще сало, упомянутый выше крахмал, сухари, муку и что-то из круп, которые готовили сами из пшеницы, овса или проса на ручных крупорушках, имевшихся тогда у некоторых хозяев в деревне. Субботним поездом в 21 ч. я прибывал на станцию Пилево и далее 15 километров один по плохой грунтовой дороге шагал ночью до дома, причем больше половины пути дорога пролегла через глухой лес. Время в пути составляло обычно около двух с половиной часов. В одном месте недалеко от Тюково дорога проходила около кладбища, и тогда ночью было немного жутковато, приходилось оглядываться на всякие шорохи и звуки. Редко, но иногда оказывались попутчики до Тюково, и тогда времени на дорогу тратилось больше. Но компанией шли веселее и безопаснее, так как рассказывали много о грабежах в этих лесах. Слава Богу, на меня нападений не было, но ночью из леса несколько раз люди на дорогу выходили и встречали меня, когда я один шел с пустым рюкзаком. Становилось немного боязно, но я как бы не страшился их и смело шагал по дороге. Они же молча осматривали проходящего мимо пацана небольшого роста и, наверное, видя, что взять с него нечего, свободно пропускали.

А вот с одиночными волками или стаями, появившимися в мещерских лесах во время войны (охотиться было некому), встреч было много, особенно зимой. Их яркие глаза выделялись в темноте с большого расстояния, что позволя-

ло контролировать перемещение зверей. При их приближении я начинал громко кричать, петь или свистеть, что удерживало волков на некотором расстоянии. На всякий случай я носил с собой всегда большой раскладной нож (помог ли он бы — не знаю, но с ним было как-то спокойнее), электрический фонарик и 5–8 коробков спичек. Если встречался один или два волка, то от моего шума они убегали в сторону от дороги. Если же их было три и более, то стая долго сопровождала меня, трусая параллельно дороге. При сближении с ними достаточно было зажечь спичку и вставить ее в коробок со стороны расположения головок остальных спичек, в результате воспламенения которых создавалась яркая вспышка света со звуковым хлопком, и это заставляло стаю сразу удалиться в лес. Помню ряд случаев, когда я и волк сталкивались внезапно друг с другом, лицом к лицу, и тогда мы оба пугались. Волк с визгом мгновенно растворялся в ночи, а я, как ошпаренный, обычно отскакивал от неожиданности назад. Однако быстро приходил в себя, начинал шарить в карманах и вынимать что-либо отпугивающее зверя, хотя этого уже и не требовалось. Однажды в конце ноября после хороших заморозков я встретился ночью с волком у самого берега покрытой льдом протоки Грязнухи. Вдруг впереди меня шагов за пять заблестели глаза волка (он, наверное, лежал около тропы), и я увидел его. Волк начал метаться, ибо бежать ему было некуда. На пути стоял я, а впереди находилась протока (речка) с сомнительным по прочности льдом. Буквально с места он вдруг взвился вверх в прыжке и перескочил через Грязнуху шириной здесь более 6 метров, чем очень удивил меня. А как-то раз в зимнюю пургу я шел по узкой слабопротоптанной в глубоком снегу тропинке, при этом сильный ветер дул мне прямо в лицо. Поэтому я шел, нагнувшись, чтобы как-то видеть контуры тропы. И вдруг я споткнулся обо что-то мягкое, которое с визгом высоко подскочило вверх вместе со снежной пылью, сильно толкнуло меня в грудь и с громким воем и визгом метнулось с горящими глазами в сторону от тропы. Я от такого неожиданного соприкосновения, как и волк (а это был именно он), отскочил назад и на какое-то время остолбенел. Придя в себя и осмотревшись, понял, что волк устроил лежку на ночь прямо на тропе, да еще укрылся за высоким густым кустарником. Вообще-то волк зверь очень чуткий на слух и запах, но тогда дул сильный ветер и потому он вовремя не среагировал на приближение человека.

Была еще неприятная встреча с большой стаей волков, которая заставила меня сильно поволноваться. В начале зимы я шел со станции домой, до деревни оставалось менее двух километров, и я представлял себя уже спящим в мягкой теплой постели. Стоял мороз около 10 градусов, землю покрыл тонкий слой снега. И как только я перешел по горбатому мостику через Грязнуху и глянул вперед, то увидел на тропе метров за 70 много светящихся волчьих глаз, которые вдруг медленно двинулись мне навстречу. По количеству светящихся точек я насчитал не менее 10 зверей. Мой резкий крик и свист только на мгновение остановили стаю, после чего волки опять стали приближаться. Поджог двух коробков спичек тоже только притормозил стаю на несколько минут. Я тут же вернулся к мости-

ку и, подняв с земли толстую палку, встал на его середину. Вынул из кармана и разложил нож, приготовил коробки со спичками. Звери не дошли метров 10–15 до мостика и остановились на тропе, затем стали медленно топтаться и ложиться на снег, посматривая в мою сторону. Их контуры уже четко различались на фоне снега, и я точно пересчитал волков – их было 13. Роковое число, подумал я, и стал соображать, как мне отбиваться, если они рискнут по тонкому льду подойти к мостику и наброситься на меня. На мои очередные громкие крики, в том числе о помощи, свист, стук палкой по перилам мостика, яркую вспышку еще одного коробка спичек звери практически не реагировали. Видимо, такое большое их количество придавало им групповую смелость и уверенность в своем превосходстве над человеком, хотя в принципе волки людей боятся. Чтобы не замерзнуть и не простудиться (а я был в ботинках), я стал ходить по мостику взад и вперед, махать ногами и приседать, не переставая кричать и стучать палкой. Таким образом я протоптался на мостике около 5 часов и очень устал. Волки убежали только с началом рассвета. Выждав еще минут 20 и убедившись, что тропа свободна, я, оглядываясь по сторонам, прошел метров 200 вперед к стогу с сеном, надергал большую его охапку и тут же в стороне зажег ее, подложив затем еще две охапки, осветив ярко местность. После того как сено сгорело, я взял еще охапку с собой и двинулся к деревне, собираясь поджечь ее, если звери вернуться на тропу. Но уже стало довольно светло, и очередная встреча с волками не состоялась. Дома после моего рассказа мать объяснила, что в ближайших колхозах произошел падеж крупного рогатого скота от какой-то хвори, и примерно в километре от мостика образовали на бугре кладбище для скота, причем коров и быков не закопали, а оставили на поверхности. Вот теперь около деревни и стали часто видеть стаи волков даже днем. Они, по-видимому, собрались со всей округи и кормятся мясом трупов животных. Я же после услышанного подумал, что волки, наверное, решили, что я могу стать конкурентом в этом их пропитании и потому не пустили меня к кладбищу и направились они от мостика именно в его направлении.

Дома я набирал в рюкзак до 15 килограммов разных продуктов и утром по понедельникам в 3 ч. уходил на станцию. Конечно, с таким грузом идти было тяжело, но нужда заставляла это делать. На занятия в этот день я всегда опаздывал на первые два или три урока и куратору группы писал правдивую объяснительную об этих опозданиях. С его стороны я всегда находил понимание.

Поезда в те времена были забиты пассажирами. Поэтому на станции попасть в вагон поезда, особенно зимой, удавалось с трудом. Сначала втискиваясь в тамбур, а из него уже при утряске пассажиров и выходе их на остановках постепенно пробираешься в вагон. Случалось много раз, даже зимой, сначала залезешь на крышу, а потом спускаешься в вагон, из которого вышла часть людей на очередной станции (благо с крыши имелся хороший обзор). Весной и в начале осени, когда было сравнительно тепло, езда на крыше становилась обычным явлением. Но зимой было холодновато, грела только вентиляционная труба с теплым выходящим воздухом от скопища едущих в вагоне

пассажиров. Благо вагоны на узкоколейке имели невысокую скорость и потому не очень продувало.

Поездки любопытны еще и тем, что в течение первого года обучения мы, будущие железнодорожники, официально имели право ездить бесплатно в жестких (сидячих) вагонах по студенческому билету. Однако со второго года обучения такой проезд отменили, но мы, привыкнув к данной «халяве», продолжали ездить бесплатно. Правда, теперь нас уже ловили в вагонах контролеры, а мы разными способами пытались избежать встреч с ними. Зная, что они начали свою проверку, мы тоже синхронно с ними, по возможности, смещались в противоположную сторону по вагонам или тут же взбирались на крышу, а с нее перебирались в вагоны, где проверка прошла. Иногда, но реже, нам удавалось на остановках перебежать в такие вагоны. Проводники обычно старались нас не пустить в вагон, но мы кучей кричали, что мы свои – железнодорожники – и в вагоне документы покажем, а оттеснив проводника и других пассажиров, постепенно взбирались в вагон. Но случалось неоднократно, когда я вместе с сокурсниками попадал в руки контролеров. На стандартный вопрос: «Почему без билета?» – следовал всегда одинаковый ответ, что мы студенты железнодорожного транспорта и потому имеем право бесплатного проезда. Это тут же заводило проверяющих, которые начинали громко объяснять об отмененном давно этом праве, чему мы очень удивлялись и дружно кричали, что этого не может быть, что нам в техникуме такое не сообщали, а кроме того у нас никаких денег нет. Кончалась эта перепалка обычно тем, что нас серьезно в очередной последний раз предупреждали и отпускали или «арестовывали» и запирали в служебном купе вагона. Но у нас были самодельные вагонные ключи с треугольным отверстием из металлической трубки, обжатой для этого на треугольном напильнике в тисках в слесарных мастерских техникума, которыми мы открывали дверь и разбегались в другие вагоны. Зная такие наши проделки, случалось, что дверь купе снаружи из коридора дополнительно запирали. Тогда мы открывали тем же ключом запор окна и через него один из нас вылезал на крышу, спускался в тамбур и сообщал проводнице (обычно это были женщины) о видимых им безобразиях, когда люди могут выпасть из окна и попасть под колеса поезда. Проводницу это обычно очень пугало, так как она отвечает за безопасность своих пассажиров, поэтому она быстро открывала купе и уже просила всех безбилетников уйти из ее вагона на все четыре стороны. Но иногда все «арестанты» выбирались через окно на крышу. Правда, на начальных этапах случалось, когда с нами оставался в купе один из контролеров, и тогда увозили безбилетников на 2–3 станции дальше, а затем отпускали. Приходилось решать трудную задачу, как вернуться назад. Выход вскоре был найден: мы стали называть свою конечную станцию на 3–4 остановки ближе настоящей.

Иногда пассажирский поезд по разным причинам опаздывал, а значит, я тоже опаздывал на занятия и приходилось оправдываться перед куратором группы. В таких ситуациях выручали товарные поезда. Часто такой состав подходил

раньше пассажирского, и если он шел до Рязани то я влезал через дверь в пустой товарный вагон, в котором, как правило, уже находилось несколько «зайцев». К концу пути их собиралось в вагоне до 15 человек. Расположиться на открытой платформе или на крыше вагона было нельзя, так как кондукторы на остановках обходили состав, осматривали вагоны и выгоняли попутчиков, боясь грабежа какого-нибудь запломбированного вагона (это тогда не было редкостью). Три раза я попадал в ситуации, когда при замедленном ходе поезда (на крутом повороте около станции Ласковский перед Солотчей) в вагон запрыгивала группа крепких ребят и мужиков, оказывавшихся затем грабителями. Осветив фонариками ехавших и определив, что отпор давать тут им некому, вожак командовал своим браткам, и в руках у них тут же появлялись ножи. После этого громко объявлялось, что начинается выборочно обыск «зайцев», а кто окажет сопротивление, получит в бок нож. Всех ехавших загоняли в угол вагона и затем по двое выводили на середину. Сначала спрашивали, куда едешь и что везешь в сумке, где и сколько денег с собой. Тут же требовали вынуть нужное им из вещей или продуктов, выложить все деньги. Обычно люди начинали плакать и просить не отбирать съестное и деньги, ссылаясь на всякие чрезвычайные обстоятельства, но, как правило, это не принималось во внимание. Иногда у кого-нибудь начинали сами быстро осматривать (шмонать) содержимое ручной клади и/или рюкзака, а также карманов и кошельков. И если обнаруживали что-то не сообщенное им, то, как правило, такому человеку доставалось несколько крепких тумачков. При мне ножами никого не резали. У меня денег обычно было мало, и я всегда основную сумму прятал между двумя носками, а в кармане держал немного мелочи. Поэтому заявлял, что я студент, денег мало, вот они в кармане, а в рюкзаке везу продукты из деревни, которые тут же перечислял. Картошка, крупа, сухари бандюг не интересовали, а вот шматка свиного сала я один раз лишился; эх, и жалко же было! И еще зимой меня заставили снять валенки. Но я сказал, что они худые и, засунув руку в сапог, попросил одного из бандюг самому проверить это, указав место дыры. Он быстро осмотрел сапог, пошарил рукой, наверное, что-то нашел, хотя сквозной дыры еще не было, и бросил сапог на пол, который я тут же надел. При подходе поезда к очередной станции грабители на ходу выпрыгивали из вагона и исчезали. Заявлять на станции о грабеже было бесполезно, а главное, и некому – милиции в то время на станциях не было.

Весной Ока во время паводка заливала примерно на полтора месяца низменную пойму и проложенную по ней узкоколейку на расстояние 10–18 км от Рязани. Поэтому поезд со стороны Спас-Клепиков доходил только до станции и районного поселка Солотча, известного тем, что здесь в течение некоторого времени проживал поэт Сергей Есенин, где у него были дальние родственники. А еще здесь был большой старинный монастырь. Для перевозки пассажиров от Рязани до Солотчи ходил двухпалубный пароход с боковыми большими гребными колесами, который примерно за три часа преодолевал водную преграду и приставал в Солотче к временной пристани. В паводковое время поездка за продуктами

домой всегда была коллективной и всегда была связана с рядом приключений. Во-первых, в Рязани надо было бесплатно проникнуть на палубы корабля, минуя переходной трап с контролерами. Это удавалось сделать обычно без большого труда, помогая друг другу и перекинув доску или жерди с берега на нижнюю палубу, затерявшись далее среди пассажиров. Иногда покупали сообща один билет на кого-нибудь поздоровее, а он уже с одной из палуб с помощью запасенной заранее веревки помогал остальным забраться на корабль. Нужно отметить, что команда корабля особенно и не препятствовала попасть на него без билета, зато очень строго спрашивали билет при выходе в Солотче. Вот здесь было уже сложнее. Мы обычно находили минимальное расстояние от пришвартованного корабля до берега, и с верхней палубы, разбежавшись, выпрыгивали на сушу. Кто-то выбрасывал полупустые рюкзаки. Было несколько случаев, когда человек падал прямо в воду. Но те, кто благополучно оказался на берегу, быстро вытаскивали из воды пострадавшего. Попадали в воду и рюкзаки. При мне серьезных случаев и травм ни разу не было. При возвращении обратно с загруженными рюкзаками действовали несколько иначе. Покупали в Солотче посадочный билет на одного человека, обилеченный проходил с двумя рюкзаками через контроль на корабль, затем мы заносили ему под строгим надзором остальные рюкзаки, как бы являющиеся его принадлежностью, и сходили пустыми на берег. Сами проникали на корабль изложенными выше способами. При подходе парохода к Рязани безбилетники складывали свои рюкзаки на нижней палубе опять в общую кучу близко к месту переброса сходного трапа и, кроме одного обилеченного, старались еще при швартовке корабля прыгнуть на сушу разными, но давно апробированными путями. Затем бежали к трапу помогать сильно загруженному рюкзаками пассажиру выносить на сушу «его личные принадлежности».

Параллельно с транспортировкой на корабле действовала для очень спешащих и лодочная переправа от Рязани и обратно через описанную водную стихию. Местные лодочники старались в страду хорошо подзаработать: сажали в обычные лодки по 5–8 человек и гребли веслами на протяжении почти 20 километров (на лодках путь был короче, так как они плыли не по извилистому фарватеру Оки, а напрямую). Ежегодно были трагические случаи, когда внезапно поднимался сильный ветер, появлялись высокие волны, лодки переворачивались и люди тонули. Я один раз тоже так переправлялся по большой воде до Солотчи, натерпелся страху и зарекся впредь сокращать время и путь таким образом.

Интересно отметить, что в период 1965–1970 годов рядом с узкоколейкой сделали от Рязани до Спас-Клепиков, а от них – до Тумы и в другую сторону – до Москвы качественную автомобильную дорогу и организовали по ней интенсивное автобусное движение. Построили через Оку красивый автомобильный мост, сделали высокую насыпь по заливаемой весной пойме Оки с водопропускными в нужных местах. С появлением дороги начала бурно развиваться в Мещере и промышленность. Но после развала СССР в 1991 году и стагнации (так модно стали называть застой) производства вдруг оказалось, что возить в вагонах по

железной дороге нечего, и движение по ней замерло. Когда через полгода решили восстановить движение, то вдруг выяснилось, что практически все рельсы узкоколейки на протяжении 150 километров от Рязани до Тумы уже сняты со шпал и сданы в металлолом. По-видимому, в этом деле активно участвовали и бездельничающие железнодорожники. Естественно, что дорогу восстанавливать не стали, а ведь она после водного транспорта найдешевейшая по себестоимости перевозки грузов. Так бездарно и быстро развалилась на долгие годы затея революционизировать жизнь в древнем Мещерском крае и обеспечить занятость его населения.

В техникуме я поддерживал освобожденческие товарищеские отношения с земляком из Спас-Клепиковского района Крыловым Василием, с которым в течение четырех лет ездил вместе по узкоколейке домой и обратно в Рязань, а также плавал на парходах по Оке к родственникам за продуктами. Правда, учились мы в разных строительных группах. Василий классно играл на баяне, держал его в общежитии и часто с разрешения коменданта организовывал в вестибюле «общаги» вечера с песнями и танцами под баян. Из нашей группы я сошелся с Власовым Николаем (из деревни Подвьязь в 15 км от Рязани), Колдашовым Николаем, Данилкиным Женей – тоже сельские жители. Учились они все хорошо. Власов указанное расстояние преодолевал с ранней весны до поздней осени на велосипеде, зимой же топал в деревню и обратно пешком. Отец у него был председателем колхоза и, бывая в Рязани, заходил в техникум проведать сына и привозил что-нибудь съестное. Николай парень был хлебосольный, обычно делился продуктами с товарищами. Он хорошо играл на гармонии, любил юмор, много читал художественной литературы, играл в драмкружке разные роли в пьесах. Данилкин был небольшого роста, обладал красивым голосом и потому участвовал в художественной самодеятельности (пел). Он очень любил оперетты, знал из них много мелодий, всегда что-то напевал и следил за приездом в Рязань на гастроли опереточных трупп. Женя и меня увлек опереттами. Поэтому я с ним ежегодно прослушивал все разрешенные в то время советские и иностранные оперетты: «Свадьба в Малиновке», «Севастопольский вальс», «Сильва», «Веселая вдова», «Цыганский барон» и др. С Женей произошел на первом курсе такой запомнившийся мне эпизод на уроке «Строительные материалы». Вел этот предмет сам директор техникума инженер-полковник И. А. Богатырев. Как-то он вызвал к доске Евгения и стал спрашивать его об инертных материалах и их свойствах. Такие материалы вводятся в качестве добавок в бетоны разных марок и цементные растворы, как не обладающие связующими свойствами, но изменяющие механические характеристики бетонов и растворов. Среди этих материалов значится – трепел. Женя забыл его правильное название и произнес «трепер». «Как, как?» – остановил его директор. Поняв, что он ляпнул что-то не то, Женя замолчал. «Как? Повтори, что ты произнес». Евгений, чувствуя, что материал был назван неправильно, вдруг невинно: «А я вообще еще ни слова не сказал!». От такого нахальства опешил даже директор. «Как не сказал? Ты много уже чего наговорил. Вся группа и я слышали тебя. Ты, Данилкин, маленький, а

хитрый». – «Да нет, я не очень хитрый», – ответил быстро Евгений, и вся группа вместе с директором рассмеялась. С этого момента прозвище «нехитрый малый» продержалось за Евгением до окончания им техникума.

Из проживающих ребят в Рязани у меня были неплохие отношения с Юрием Безруковым. Он обладал красивым голосом, постоянно на переменах что-то мурлыкал под нос и даже громко пел. А сошлись мы с ним на том, что он, как и я, любил русские романсы. Петь романсы считалось в то время «мещанством», а потому их очень редко можно было услышать по радио. Мне же нравилась их мелодичность и какая-то «русскость», даже в исполнении моего отца. Юрий особенно часто напевал романс, который почему-то сильно трогал меня, по-видимому, из-за юношеской романтической поры моих неоднократных тогда скоротечных любовных увлечений:

*Гвоздики алые, багряно пряные,
Дождливым вечером дарила ты.
А ночью снились мне сны небывалые,
Мне снились алые твои цветы.*

*Мне снилась девушка, такая милая
И очень чудная, а взгляд – гроза.
Мне душу ранили мечты обманные,
И жгли лучистые ее глаза.*

*Казалось, будто бы, она, усталая,
Склонила голову на грудь мою.
И эту девушку с цветами алыми,
С глазами жгучими с тех пор люблю.*

Но авторов слов и музыки Юрий не знал. Когда же начались по радио, а затем и по телевидению передачи «В нашу гавань заходили корабли...», я не раз писал туда письма с просьбой исполнить этот романс и рассказать о его создателях. Но, увы! И только в 2007 году, проплывая с супругой по Волге на теплоходе «Иван Кулибин» от Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно, узнал это на стоянке по правому берегу Волги между Казанью и Самарой. Тут в красивом ущелье Жигулевских гор расположено большое старинное купеческое село Ширяево, а в советское время это был богатый животноводческий и рыбоводческий совхоз. В Ширяево есть музейный ансамбль имени великого художника Ильи Ефимовича Репина. Он с братом и тремя художниками не раз арендовал здесь летом в период 1866–1871 годов на несколько месяцев ряд домов. Отсюда Репин много плывал по Волге, делая зарисовки для будущей знаменитой картины «Бурлаки на Волге»; другие художники тоже создали на основе своих волжских зарисовок известные впоследствии высокохудожественные пейзажные картины. Первый, с лямкой на плечах, бородатый мужчина на картине Репина срисован с одного из жителей Ширяева. На лошадиных упряжках Репин с товарищами уезжал часто далеко по берегу Волги в поисках нужных ему видов и типов. Вот

эти дома и конюшни отремонтировали в 1997 году и восстановили, объединив их в единый ансамбль. В одной избе качественно и очень информативно оформили музей имени И. Е. Репина с подлинными его этюдами и картинами, а также с произведениями его товарищей; в двух других домах создали музеи местного быта купцов, крестьян и рыбаков. Для меня оказалось любопытным, что тут уже два раза успел побывать наш президент В. В. Путин и оставил благодарственные записи работникам этого комплекса. Возможно, посещение Путиным связано и с тем, что здесь начато строительство государственной тренировочной базы для биатлонистов Российской Федерации. Поэтому во много раз подскочила стоимость местной земли и даже развалившихся нежилых домов (около 1 млн руб.). Неожиданной оказалась и экспозиция, посвященная талантливому поэту, выходцу из этого села и хорошо знакомому С. А. Есенину – Александру Васильевичу Ширяевцу (это псевдоним по названию села, а фактически это А. В. Абрамов, 1887–1924 гг.). Ширяевца и Есенина связывала крепкая дружба с 1915 года – сначала по переписке, затем – очная. Ширяевец оказал большое влияние на творчество Есенина своим особым лиризмом. Он за свою короткую жизнь (умер от тифа) успел опубликовать несколько сборников очень напевных и тревожащих душу стихотворений с жанровыми зарисовками Волги и быта народа. На стенде помещено и опубликованное скорбное письмо Есенина, посвященное безвременной смерти талантливого и самобытного друга. Мне удалось полистать сборники, и стихи очень понравились. Попытки приобрести что-то изданное не увенчались успехом, поскольку ничего лишнего в музее не было, но мне сказали, что сборники стихов собираются переиздавать в ближайшие годы, тем более, что значительное число стихов вообще никогда не публиковалось. Удивила и экспозиция с песнями и романсами, сочиненными Ширяевцем. Вот здесь-то и были представлены рукописная и печатная записи указанного романса, правда, не сказано, кто сочинил музыку. Так, почти через 60 лет, открылась мне тайна этого музыкального произведения, о котором мало кто знает до сих пор, хотя раза 2–3 его все же исполняли по радио и телевидению. Я оставил работникам музея письменную просьбу прислать мне хотя бы одну книгу стихов Ширяевца (а тогда сказали о подготовленном пятитомном издании его произведений) с гарантированной оплатой и сообщить, если узнают, кто все же сочинил мелодию романса. Неожиданно в мае 2009 года пришло из музея письмо с извинениями, что издать книгу не удалось из-за финансовых трудностей и автор музыки тоже пока неизвестен, хотя я их этой постановкой вопроса очень заинтересовал.

После третьего года обучения проходила у нас летом двухмесячная практика на Московско-Рязанской железной дороге. Поселили нас в общежитии на станции Кратово (также назывался и расположенный рядом большой жилой поселок) в 35 километров от Москвы. Здесь мы пользовались особым вниманием местных барышень, так как Крылов Василий приехал сюда со своим баяном, и почти ежевечерне около нашего дома организовывались танцы и игры. Первоначально половина группы (и я в их числе) должны были на станции Москва-Товарная

*Около растворобетонотомешалки на станции Москва-Товарная
Казанской железной дороги*

(не доезжая полтора километра до Казанского вокзала в Москве) за один месяц соорудить по готовому проекту весовой автомат, который определял бы и записывал брутто и нетто, а также тип каждого проходящего по рельсам весов вагона. Мы действительно ударно и сверхурочно работали под присмотром прораба, выкопали котлован, забетонировали фундамент под весы, а также под рядом расположенное небольшое здание с автоматикой и пультом управления весами, возвели полностью это здание, смонтировали и наладили весы, апробировали их работу с прокаткой вручную вагонов и платформ. Сдать в эксплуатацию весы мы не успели, так как нас всех перевели на строительство жилого двухэтажного дома на станции Фрезер указанной выше дороги (так предусматривал договор для практического ознакомления студентов с максимально большим разнообразием строительно-монтажных работ). Там мы тоже сделали значительный объем работ (кирпичная кладка, штукатурка, печные работы, столярные и плотничные, малярные, санитарно-технические и др.), за которые получили неплохие (по студенческим меркам) деньги. Выполняя работы, мы должны были обязательно вести своеобразные дневники, описывая технологию работ и сравнивая их с наиболее известными прогрессивными приемами, в том числе с использованием средств малой и большой механизации.

Позже, почти в течение 40 лет, при поездках в Москву, я всегда старался увидеть из окна вагона дело своих рук – весы и рядом здание. По-моему, весы так и не использовали, а здание через 30 лет потихоньку начали растаскивать на кирпичи.

Интересно также следующее. На товарной станции имелись длинные складские помещения с рельсовой колеей около каждого, по которой каждый

день подкатывали составы с продуктами в вагонах-рефрижераторах, подлежащих быстрой разгрузке, так как за сверхнормативный простой вагонов министерство путей сообщения брало значительные штрафы. На складах тогда было мало холодильных больших камер с аммиаком. Поэтому следовало скоропортящиеся продукты спешно выгрузить в склады, чтобы затем автомашинами развезти по разнарядке потребителям Москвы. Недалеко от сооружаемых нами указанных весов находился склад молочной продукции и фруктов. Буквально на второй день к нам подошел заведующий складом и предложил разгрузить вагон с сыром за бартер – ешь на складе любой сыр в любых количествах, но с собой можно взять только по полкилограмма. Предложение было заманчивым, так как сыр в то время являлся весьма дефицитным продуктом. Поэтому мы, посоветовавшись, решили в половинном количестве пойти на разгрузку, наестся там сыра и принести его продолжающим строительные дела. Разгрузка прошла очень быстро к удивлению завскладом, и он предложил нам оказывать такую помощь ежедневно, на что мы и согласились. Сыром мы даже объелись (оказалось, что много-то его и не съешь за один раз!), нам выдали с собой обещанное количество сыра, а тайно мы прихватили и еще. Но на следующий день разгружали мы уже сливки в алюминиевых баках с круглыми герметично закрываемыми крышками сверху и завозили баки на тележках в помещение. Вкус и аромат тех сливок сохранился у меня до сих пор. Был сразу открыт один такой бак, принесены черпак и стаканы, и мы, восемь человек, за 2 часа разгрузки подходили каждые 10 минут к баку и выпивали по стакану сливок. Первый раз в жизни я досыта напился (а может быть, и наелся) сливок, которые, очевидно, предназначались для каких-то высокопоставленных правительственных чинов. Уж очень вкусными и приятно душистыми они были! Наверное, от коров, пасущихся на специальных экологически чистых лугах. Затем разгружали сметану, яблоки, груши. А в последний день таскали ящики с абрикосами и персиками. До этого я никогда такие фрукты не только не пробовал, но и не видел. Конечно, опять ели их до отвала, а, уходя, можно было заполнить фруктами карманы. У меня единственного оказалась с собой большая сеточная сумка-авоська, которую разрешили набить доверху фруктами (в нее вошло 14 кг). Конечно, все это за последующие два дня «попробовали». После работы нас на проходной в общем ограждении складов осматривали контролеры (а могли и обыскивать, о чем сообщал висевший в проходной плакат), но по договоренности с завскладами контролеры нас с «грузом» пропускали. Странно было то, что каждый работник склада вечером уходил с большой сумкой, плотно набитой продуктами, взятыми задарма, и контролеры, зная работников в лицо, свободно их пропускали. Уносилось сразу несколько тонн разных продуктов. Мы удивлялись такому массовому и постоянному выносу продуктов (воровству!), за что в то время здорово карали по сталинскому указу. На наш вопрос об этом заведующему складами был получен ответ, что это официально разрешено за счет норм на усушку, утруску и естественную порчу. Иначе работники больше украдут продуктов сами, перебрасывая их через ограждение.

Недалеко находилось также складское старинное двухэтажное здание, дополнительно обнесённое ограждением из колючей проволоки. Оказалось, что в здании работают военнопленные немцы. Когда мы проходили мимо здания, немцы выглядывали из слуховых окон на чердаке и кричали по-русски, что очень хочется курить. И мы практически каждый день, останавливаясь утром около «колючки», забрасывали им в окна купленные накануне пачки самых дешёвых сигарет «Прима», привязанные к кускам кирпичей. А немцы бросали нам из окон большие газетные кульки с крупными вкусными подсолнечными семечками. Это было похоже на товарообмен между древними людьми, а теперь это происходило между людьми, недавно воюющими. Через 40 лет в горбачевские времена такой натуральный обмен называли бартером, и он получил большое распространение после развала СССР, когда в начале 1990 годов не платили в течение нескольких лет зарплату, а вместо нее выдавали на многих предприятиях выпускаемую продукцию, которую затем взаимно обменивали на нужные вещи или продукты.

По завершении практики заведующий складами устроил нам (15 человек) прощальные проводы, накормив нас до отвала разными сладостями и колбасами. Здесь я впервые узнал, что кроме редкопадающей в магазинах вареной колбасы, существуют для особых людей и сырокопченые ее виды, а также салями и сервелаты.

А как-то я и Василий Крылов отпросились с практики на четыре дня домой (нашу необходимость такой поездки не помню). Уехали. Для совместного возвращения обратно встретились по договоренности в Спас-Клепиках, далее бесплатно добрались по узкоколейке до Рязани. Теперь надо было доехать до Москвы со станции Рязань-2. Узнали, что на подходе скорый поезд Ташкент–Москва. Стоим на перроне и обсуждаем, как с минимальными затратами попасть в вагон, ибо знали, что проводники-узбеки отпирают только одну дверь в тамбур и тщательно проверяют билеты каждого пассажира, не отходя на стоянке ни на секунду. Василий предложил взять билеты до ближайшей остановки, чтобы попасть в вагон, а далее мы знали как действовать. Он вынул деньги и отсчитал нужную на два билета сумму. Я сказал, что деньги у меня есть (полученные на практике за работу) и сходил купил билеты. Во время нашего разговора ходили и бегали мимо нас по перрону люди с поклажей и несколько раз медленно с портфелем прошел вперед-назад мужчина в железнодорожной форме без погон. Мы, конечно, особо не обратили внимание ни на него, ни на других людей. Мало ли их мотается по стране! Подошел поезд, сели мы в плацкартный вагон, затем при подъезде к первой станции, где нам как бы надо было сойти, взяли у проводника билеты, перешли из этого вагона в другой за 4 или 5 от него и благополучно доехали до станции Раменское в 45 километров от Москвы, где поезд останавливается последний раз перед Москвой. Нам удобнее было сойти именно тут и доехать далее электричкой до Кратово. Только вышли мы в тамбур, как вдруг с двух сторон появились по два контролера. «Ваши билеты?» – спросил один из них. Мы билеты подали. «Так вы давно проехали свою остановку!» Мы начали объяснять,

что крепко уснули и вот, незадача, надо теперь ехать как-то обратно. «Платите штраф», – потребовал контролер. – «Вы проехали путь во много раз больше оплаченного». Мы ответили, что денег у нас нет, что мы студенты железнодорожного техникума, по-существу, коллеги. Тогда один из них вдруг пристально посмотрел на меня и Василия и воскликнул: «Как денег нет? Вот ты, – показывает пальцем на Василия, – вынул из этого кармана 1000 рублей, а ты, – смотрит на меня, – вынул свою пачку денег и в Рязани договорились взять билет только до первой станции, чтобы сесть в вагон и далее «зайцами» доехать до Москвы. И ничего вы не проспали. Я слышал весь ваш разговор на перроне в Рязани». Тут-то мы и сообразили, что это тот самый медленно ходивший около нас на перроне человек в форме. Далее он продолжил уже менее строго: «Вы очень здорово и гладко врете. Но так как считаете себя нашим братом-железнодорожником, то задерживать мы вас не будем. Поэтому выходите сейчас и, самое главное, поменьше болтайте на станциях и поменьше трясите там деньгами». Это событие мы не раз потом обсуждали, и, конечно, оно послужило хорошим уроком нам на будущее.

Хлебные карточки служили в период зимних и летних каникул первых двух лет обучения важным фактором для приобретения одежды и других товаров. Дело в том, что магазин за дни предстоящих каникул отпускал студентам хлеб вперед. Так, за первые зимние каникулы я получил сразу четыре буханки черного хлеба с небольшим довеском. Я взял две буханки и пошел на базар около станции Рязань-1. Ко мне тут же подошел военнослужащий с проходящего скорого поезда и предложил за буханку малогабаритный (карманный) немецкий фотоаппарат фирмы «Цейс» с увеличением числа кадров с 9 до 18, что расширяло «производственные» возможности аппарата и позволяло экономить на пленке. Я, осмотрев фотоаппарат и опробовав его работу, тут же согласился на товарообмен. А вторую буханку я обменял на иностранные ботинки, тоже у проезжающих на поезде солдат. Промышленный фотоаппарат я давно хотел иметь и даже сделал дома сам громоздкое фотоустройство для получения негатива на стеклянной пластине. А тут открывались возможности всюду носить в кармане аппарат и быстро фиксировать все происходящие события. Я действительно после этого бартера постоянно держал аппарат в кармане и сделал за 10 лет массу разнообразных и ценных для меня до сих пор снимков и негативов.

Однако в 1958 году фотоаппарат у меня украли, и я до сих пор не могу понять, как это было возможно. Летом я поехал к родителям в деревню, чтобы навсегда забрать их к себе в Арзамас-75 (г. Саров). Сел днем в Москве в плацкартный вагон поезда Москва–Рязань; в этом открытом купе ехали с курсов повышения квалификации еще три учительницы. Напротив, на боковых сидениях, расположились двое мужчин лет по 45, и к ним периодически подсаживались еще двое. Я представился женщинам, познакомились, поговорили немного. Судя по разговорам мужчин, я понял, что они возвращаются домой из Подмосковья с каких-то временных плотнично-столярных работ. Когда ехать оставалось часа два с половиной, я собрался на вторую полку, чтобы почитать там. Я вез большой

пустой чемодан, в который вложил еще один чемодан, а в него – огромный почти пустой рюкзак. Предполагалось, что в чемоданах и рюкзаке я повезу вещи родителей. Чтобы достать книгу для чтения и использовать рюкзак вместо подушки под голову, я снял с третьей полки большой чемодан, поставил его на нижнюю полку, открыл крышку на виду у всех и вынул внутренний чемодан. Его раскрыв и взял рюкзак. Из рюкзака вынул книгу, фотоаппарат и в красивом кожаном футляре только что начавшую выпускаться в СССР по австрийской лицензии и недавно купленную мной электрическую бритву «Харьков» (она очень качественно брила, так как использовались вращающиеся ножи иностранного производства). Фотоаппарат и бритву снова положил в меньший чемодан, вложил его в большой чемодан, закрыл его и положил над собой на верхнюю полку так, что он сантиметром на 20 выступал за пределы полки. На чемодан я положил свою модную шляпу с огромными полями, которые тоже вылезали за пределы чемодана. Я залез на полку, положил под голову рюкзак и начал читать, периодически поглядывая в дно большого чемодана. За полчаса до прибытия в Рязань проводник прошел по вагону, громко прокричав: «Подъезжаем, Рязань!». Шла вторая половина дня, я ни минуты не спал, да и разговоры учительниц не дали бы заснуть. Мужчин уже не было, они вышли на одной из предыдущих станций. Я спустился с полки, начал снимать чемодан с лежавшей на нем шляпой и почувствовал, что он какой-то легкий. Поставил его на нижнюю полку, снял шляпу и, открыв крышку, оторопел: внутреннего чемодана не было! «А где же мой чемодан с фотоаппаратом и бритвой?» – только и мог произнести я. Учительницы тут же засуетились и стали осматривать свои вещи, у них было все цело. Начали обсуждать мою ситуацию, как же и когда эта кража могла свершиться. Вспомнили, как уходили из вагона мужчины (без чемодана). Одна из женщин вызвала проводника, он пришел, удивился и сходил за бригадиром, который вызвал в вагон по радиорации милицию на конечной стоянке в Рязани. Как только поезд остановился, несколько милиционеров окружили вагон, не выпуская никого из пассажиров. В наше купе вошли два офицера и начали расспрашивать о случившемся меня и учительниц, записывая некоторые сведения. Судя по их вопросам, они в эту кражу не поверили. «Такого не могло быть, тем более днем. Вы явно меньший чемодан оставили где-то еще по пути». Все три женщины поклялись, что они сами видели, как я закрыл этот чемодан в большом чемодане. Потом стали выпускать задержанных пассажиров, осматривая их вещи. Меня же пригласили в милицееское отделение, где заставили написать заявление о краже и дополнительно допрашивали еще в течение двух часов. Но ничего так и не нашлось, о чем меня через три месяца письменно милиция и уведомила. Бывают же такие фокусные кражи!

Летние каникулы после первого курса продолжались два месяца. На то время хлеб выдавали нам вперед сразу на месяц аж по семь с половиной буханок. Правда, на последующий месяц надо было приезжать в Рязань получать карточки, а на них – очередные буханки. Обычно от 4 до 6 штук обменивал я на базаре на что-то необходимое или продавал (помню по 100 рублей за буханку), осталь-

ные привозил в деревню. Но с 16 декабря 1947 года были отменены в стране карточки на продовольственные и промышленные товары. Хлеб стало возможным купить без карточек! А люди уже вошли в жизнь с твердой уверенностью, что хлеба без карточек не бывает и не будет! Но вдруг это время пришло! Бери в одни руки одну, две буханки! Есть деньги, приходи снова, бери еще! Одновременно провели и денежную реформу. Были снижены цены на хлеб, муку, крупу, макароны, но оставлена прежней стоимость мяса, жиров, рыбы, сахара, водки, вина, соли и табака. Одновременно были повышены цены на молоко, чай, яйца, фрукты, ткани, обувь, одежду, но они были все же в три раза меньше коммерческих. (Коммерческую продажу ввели с конца 1944 года для тех, кто получал большие деньги; в коммерческих магазинах цены на продукты и промтовары были примерно в 10 раз выше, чем при продаже их по карточкам.) Тем не менее, чтобы оградить население от перекупщиков, ввели предельные нормы продаж на ряд товаров. Так, в одни руки можно было купить не более двух буханок хлеба, 1 кг сахара и крупы, 0,5 кг масла, 1 пару обуви, 6 метров ткани и т. д. Магазины в день отмены карточек открылись как обычно, но люди удивлялись произошедшим в них переменам. Прилавки были заполнены разными сортами сыров, колбас и другими ранее не виданными продуктами. В промтоварных магазинах был широкий выбор обуви, одежды, тканей. И все это продавалось без карточек! Но купить-то это можно было лишь за новые деньги, для чего надо было обменять старые деньги на новые в течение недели. Вклады в сбербанках переоценивались по курсу 1 новый рубль к 1 старому – до 3000 рублей, 2:3 – от 3 тысяч до 10, 1:2 – более 10 тысяч рублей. Все старые облигации государственного займа (кроме займа 1947 г.) обменивались на новые из соотношения 1 к 3. Находящиеся в обращении деньги меняли как 1 рубль новый за 10 рублей старых. Помню, что у меня было в наличке тогда 200 рублей, которые я и обменял в кассе техникума на 20 новых. В целом же после денежной реформы и отмены карточек жить стало действительно лучше. Появились стимулы зарабатывать деньги, ибо на них можно было многое купить. Мы тоже начали вечерами подрабатывать, обычно это была разгрузка с железнодорожных платформ строительных материалов (бутовый камень, бревна, доски, кирпич и т. д.).

На первом и втором курсах моей целью было хорошо учиться, чтобы удержаться в техникуме до третьего курса. Поэтому я не отвлекался на гулянки и какие-то второстепенные дела кроме тех, которые мне были очень интересны или казались обязательными, так как могли быть нужными в будущем. Я мало рисовал (рисование требовало много времени и денег для покупки необходимых материалов), но активно занимался оформлением ежемесячных стенных газет группы. Участвовал (играл на мандолине) в течение трех лет в народном самодеятельном ансамбле, пытался освоить что-то в боксе, наращивал мышцы в группе тяжелой атлетики, учился в областном радиоклубе, занимался в кружке балльных танцев. Троек у меня за четверти и за год не было. Сохранился официально выданный тогда мне табель успеваемости за второй курс, в котором перечислены

изучаемые предметы и годовые оценки: русский язык устно/письменно – 5/4, алгебра – 4, геометрия – 4, тригонометрия – 4, история – 4, технология – 4, общий курс жел. дорог – 4, электротехника – 5, геодезия – 4, техническая механика – 4, черчение – 4, немецкий язык – 4, военная подготовка – 4, физическая подготовка – 5, мастерские – 4. Последующие два года я учился только на «отлично» и получал повышенную стипендию, что являлось важным материальным подспорьем мне и нашей семье. Остались у меня «Похвальный лист за отличные успехи и примерное поведение на 4-м курсе» и табель успеваемости, но только за первый семестр 4-го курса: технические и гражданские здания – 5, конструкции – 5, водоснабжение – 5, отопление – 5, транспортная подготовка – 5, техника безопасности – 5, сметы – 5. С учетом получаемых денег за вечерние подработки появились уже некоторые свободные суммы, которые иногда можно было тратить на другие цели, кроме приобретения еды и одежды. Например, с 3-го курса я в числе других ребят стал посещать танцевальные вечера в учительском техникуме, где основным контингентом были девочки. Через некоторое время у меня с одной из них возникли взаимные симпатии и завязался роман, свободных вечеров не стало. Возвращаясь как-то весной из дома на станцию с большим рюкзаком за спиной и будучи лирически настроенным в ожидании предстоящей встречи, я сочинил на ходу стихотворение, надеясь посвятить его моей знакомой:

*Как хорошо в лесу весеннюю порой!
Вот где природой русской любоваться!
Вот людям молодым, где время проводить!
Здесь и в любви-то проще объясняться.*

*Ты тут с любимой девушкой вдвоем.
Луч солнца еще леса не коснулся,
Но ветерок уже тихонько пробежал,
И лес весь завздыхал и встрепенулся.*

*Зашелестел листвою дуб-богатырь.
Кукушки голос начал раздаваться.
И вдруг совсем недалеко соловушка запел!
Ну как же тут вам не поцеловаться!*

*Считай, кукушка добрая, кукуй!
Мне век с любимой быть ведь вместе надо!
Сердца чтоб наши бились в унисон!
Песнь длинная твоя нам радость и награда!*

Вернувшись в общежитие, я постарался и очень красиво написал этот текст на большом листе ватмана, ярко разукрасив его вензелями и цветами, и подарил своей знакомой; лист этот долго висел у нее в комнате на стене в общежитии. (Позднее я понял, что это достаточно «самодельно» срифмованные четырехстрочники. Но тогда, в юношескую пору, мне они казались совершенными.) Однако через год прервались по ряду субъективных обстоятельств наши дружба

и любовь, первоначально клятвенно взаимно обещанные уже на всю жизнь, и никто из нас не попытался их восстановить.

За время учебы в техникуме у нас побывало с выступлениями много артистов, деятелей науки, писателей. Особо запомнился приезд легендарного артиста М. Жарова, рассказавшего много юморных историй из жизни своей и театра, челяускинца Героя СССР М. Папанина, писателя М. А. Шолохова, который поведал о себе, жизни народа и страны в 1920-е годы, времени написания им «Тихого Дона», работе военным фронтовым корреспондентом в годы Великой Отечественной войны. Очень интересной была встреча с П. П. Вершигорой, генерал-майором, Героем Советского Союза, заместителем командира по разведке партизанского соединения С. А. Ковпака, затем командиром партизанской дивизии, автором книг «Люди с чистой совестью», «Карпатский рейд», «Дом родной» и ряда других, которыми мы тогда зачитывались. Был у нас и Д. Н. Медведев, полковник, Герой Советского Союза, командир крупного партизанского отряда, автор книг «Это было под Ровно», «Сильные духом» и др., в которых представил образ реально существовавшего тогда смелого разведчика Н. И. Кузнецова. Выступал у нас и литературовед И. Л. Андроников с рассказом о своих увлекательных исследованиях по распутыванию многих загадок на лермонтовские темы.

В 1950 году примерно месяца за два до завершения учебы стали еженедельно приезжать в техникум офицеры из областного военного комитета (облвоенкомата) и агитировать выпускников поступать по окончании техникума в разные высшие военные учебные заведения. Облвоенкомату выдавали тогда сверху разрядку по набору курсантов в такие заведения, и несколько человек из четырех выпускных групп выбрали интересные для них военные специальности, заполнив необходимые документы и пройдя медицинскую комиссию. Гарантировалось, что для окончивших наш техникум с военным уклоном вступительные экзамены будут простой формальностью. Меня интересовал ряд военных радиоспециальностей, но я решил сначала получить диплом об окончании техникума, потом крепко подумать, что делать дальше. А за месяц до выпуска вдруг принесли мне и еще четверым отлично учившимся ребятам (Колотилину Александру, Колдашову Николаю, Копылову Александру, Крылову Василию, все фамилии на «К» кроме моей) повестки явиться с паспортами к 15-00 в бюро пропусков областного управления министерства внутренних дел (до 1946 года Народный комиссариат внутренних дел – НКВД, аббревиатуру которого заключенные расшифровывали как «неизвестно, когда вернусь домой») для получения пропуска и последующего собеседования в указанном там помещении с майором (фамилию не помню). Зачем понадобились только отличники, кому мы там нужны и для чего – в повестке не было сообщено, а в техникуме руководство сослалось на полное незнание вопроса. Мы собрались вместе и попытались понять причину нашего приглашения, но, что оказалось затем, так до этого и не додумались. Договорились, что завтра после занятий сразу без обеда быстро сбегает к назначенному времени в управление, благо оно было не очень далеко, и немедленно

вернемся. На другой день явились в облМВД, получили пропуска и поднялись на второй этаж к майору. Он представился, посмотрел наши паспорта и сверил их данные с какими-то своими записями. Затем взял в руки лист с красочным гербом СССР и торжественно произнес: «У меня в руках составленный по указанию Маршала СССР и заместителя Председателя Совета Министров СССР товарища Лаврентия Павловича Берии приказ министра МВД СССР Сергея Никифоровича Круглова, которым вы пятеро по окончании техникума откомандировываетесь по согласованию с министром путей сообщения генерал-полковником инженерной службы Борисом Павловичем Бешевым в Министерство внутренних дел СССР для использования вас на работах по полученной специальности. А так как вы люди военные, то обязаны подчиниться приказу. Ознакомьтесь все и распишитесь каждый против своей фамилии». Вот какая нам, отличникам, оказалась сделана честь! Люди-то какие государственные о нас знают и пекутся! Мы прочитали приказ с визой Берии и спросили: «Означает ли это, что мы будем руководить строительными работами, которые будут делать заключенные?». И майор это однозначно подтвердил. (Сразу представились колонны заключенных, маршрут которых утром и вечером проходил около техникума и с которыми часто приходилось встречаться. Их ежедневно приводили в расположенный через дорогу от техникума за забором деревообделочный комбинат на строительство новых зданий и работу в его цехах. Топот сотен ног, хмурые лица, серая выцветшая одежда, грубые и строгие окрики конвоиров, рычание свирепых овчарок производили на нас, молодых людей, самое удручающее впечатление и потому было жалко их, хотя это могли быть воры, убийцы, насильники, которых и гнали, как животных.) Руководить такими людьми без специальной психологической и, наверное, физической подготовки представлялось нам страшным и опасным. Поэтому мы заявили, что не хотим служить в МВД, так как стремились стать именно советскими железнодорожниками, для чего отлично учились, и обжалуем данный произвол, тем более что с нами никто предварительно не говорил, а у каждого есть свои причины не иметь дело с контингентом заключенных. Майор ответил, что мы можем конечно жаловаться, но сначала надо расписаться, что с приказом он нас ознакомил. Тут он был прав, и каждый из нас расписался. После этого он сказал, что есть еще некая простая, но нужная для дела формальность, и раздал нам бланки заявлений, в которые надо было от руки вписать наши ФИО и просить МВД СССР принять нас (добровольно!) на работу по специальности. Мы дружно ответили, что нас готовили и практиковали работать на железной дороге, а руководить заключенными нас не учили, ибо тут есть свои особенности, и потому писать такие заявления не станем. На это майор заявил, что пока мы не заполним бланки и не распишемся в них, он не подпишет пропуска на наш выход через охрану из здания. Мы стали уговаривать его отпустить нас подумать, а главное – поесть, так как мы пришли сюда, не пообедав, и потому очень голодны. На это услышали, что мы будем находиться в здании МВД сутки, трое или более, пока «добровольно» не подпишем заявления. А сейчас мы должны

перейти в другую комнату и там глубоко подумать о своем будущем. И вот мы начали горячо обсуждать возникшую ситуацию и окончательно договорились не писать заявления. (Думаю, что майор все наши разговоры слышал посредством соответствующих устройств.) Решив, что майор все-таки шутит, ибо в Советском Союзе строится светлое будущее для всех и так насиловать людей незаконно, мы примерно через час опять пришли к офицеру (а прошло уже часа четыре после нашего входа в здание, и голод давал о себе знать все сильнее). «Что, написали?» – спросил сразу он. Мы вновь попытались объяснить ему причины нашего незаполнения заявлений, но майор слушать это не стал и еще раз напомнил про задержание нас тут столько времени, сколько понадобится для выполнения указанной им «простой формальности». После этого добавил, что из здания почти все уже ушли по домам ужинать, сам он тоже поднимется на третий этаж в комнату (был назван номер), где он перекусит и будет работать с документами. Если кто подпишет заявление, то пусть приходит к нему, он оформит пропуск, и тогда товарищ выйдет из здания. И ушел. Мы снова всесторонне обговорили в пределах наших знаний и домыслов происходящее и около 22-00 поднялись в кабинет к майору, опять заявив ему о нашем категорическом отказе писать такие заявления, мотивируя на сей раз тем, что есть приказ и потому заявления не требуются. Далее в очередной раз сказали, что станем жаловаться на издевательства, на насилие и измор голодом и, что если нас задерживают, то должны хоть чем-то накормить, ибо задержанным всегда дают еду. Майор ехидно рассмеялся и произнес, что здесь пока не камера предварительного заключения, поэтому кормить нас он не обязан, да и нечем. Подтвердил, что жалобы, конечно, писать надо, но сделать это мы сможем только после заполнения заявлений и выхода из здания. Затем иронично добавил, что все жалобы приходят в МВД, и потому они тут сами на себя начнут их очень тщательно и оперативно расследовать и рассматривать, а также принимать к себе меры наказания. И только в 2 часа ночи мы подписали заявления о «самом заветном и потому добровольном желании каждого из нас руководить на строительстве советскими заключенными, самыми сознательными в мире осужденными и потому исправляющимися здесь, готовясь к строительству коммунизма». При этом мы договорились сегодня же идти в облвоенкомат и соглашаться стать курсантами в подходящем для каждого военном учебном заведении.

Так мы и сделали. В военкомате нам очень обрадовались (ведь они заявку министерства обороны пока не выполнили!) и сразу дали перечень военных институтов и списки количественного набора в них курсантов, сведения о специальностях, поговорили внимательно с каждым о его пристрастиях, чтобы определиться с будущей военной специальностью. (Деликатность разговора здесь резко контрастировала с давлением на личность в облМВД и проявляемой наглостью.) Я не помню, в каких заведениях согласились учиться Колдашов, Колотилин и Крылов, а Копылов выбрал бронетанковое училище, так как любил автотехнику. Я же выбрал институт авиационной радиосвязи (было одно место).

В этот же день каждый из нас заполнил серию всевозможных бланков, анкет, написал автобиографию. Попросили сделать в техникуме официально заверенные справки с оценками по всем предметам за семь прошедших семестров учебы и принести справки в военкомат. Посоветовали мне вступить все-таки в комсомол, ибо в ряде всевозможных жизненных проблем это упростит мне в дальнейшем их решение, так как, например, меня могут считать не принятым в комсомол из-за того, что я являюсь ЧСРом со всеми отсюда вытекающими для занятия должности или продвижения по службе неприятными последствиями (была тогда количественно довольно большая категория людей, расшифровываемая как Член Семьи Репрессированного, т. е. родственника врага народа, находящегося в заключении или уже расстрелянного). Я по возвращении в техникум написал заявление и в последние дни учебы документально стал комсомольцем. В последующую неделю мы проходили специальные военные медицинские комиссии и проверки, после чего нам объявили о соответствии нашего здоровья выбранным военным специальностям. Сообщили, что практически мы уже являемся курсантами, все остальное – формальности, включая сдачу экзаменов в институтах. Дали в руки официальные документы о приеме нас на учебу, сказали, чтобы мы больше ни в коем случае не контактировали с МВД и написали ориентировочные сроки вызова каждого из нас на учебу. Первым в конце июля должен отбыть в институт Копылов, а начало моей учебы было самым последним – ориентировочно 20 сентября. Точно это будет указано в вызовах, которые нам пришлют на домашние адреса дней за 20 до начала занятий. После получения вызовов мы должны за 3–4 дня до начала военной учебы приехать «с вещами» в облвоенкомат, взять направления в институты и документы для бесплатного проезда к месту их расположения. Поблагодарили нас за оказанное доверие военкомату. А теперь мы должны благополучно доучиваться в техникуме, получать дипломы и с ними прибыть в военкомат для снятия с них копий, что явится бесповоротным решением вопроса приема нас в институты.

Я, тем не менее, написал на всякий случай и отправил заказным письмом обстоятельное письмо министру путей сообщения Б. П. Бешеву с просьбой защитить меня от произвола МВД, с мотивацией моего нежелания работать с заключенными, что всегда хотел быть только железнодорожником и что решение о переводе в МВД принято без моего согласия, а это противоречит нашей социалистической законности и морали и т. д. Ответа на письмо я не получил. По-видимому, сведения об этом письме попали в МВД, а может быть, и вообще письмо было просто перехвачено, ибо через несколько месяцев меня попрекнули в облМВД, что вот, мол, нашелся тоже писака и жалобщик.

С 19 по 22 июня 1950 года проходила защита заключительных курсовых работ (у меня был проект вокзала на 200 посадочных мест) и сдача государственных экзаменов. 23 июня утром нам выдали каждому официальные выписки с печатями из приказа начальника центрального округа железных дорог вице-генерал-директора путей сообщения II ранга С. Багаева об окончании тех-

никума и о присвоении звания «техник-лейтенант пути и строительства». Сообщили также, что этот документ временно заменит нам и диплом, который выдают только через год приехавшим за ним лично или вышлют почтой по запросу отдела кадров с последующего места работы каждого. (Мне диплом прислали на работу вместе с Похвальным листом № 122 от 01 июля 1950 года за ОТЛИЧНЫЕ успехи и ПРИМЕРНОЕ поведение. В дипломе же, в отличие от указанного приказа, было написано, что закончен четырехлетний курс обучения по специальности «технические и гражданские здания» и решением Государственной квалификационной комиссии от 28 июня 1950 года присвоена квалификация техника-строителя.) Согласно договоренности мы – «курсанты» – сходили с этими выписками в облвоенкомат, где их зарегистрировали, после чего еще раз там подтвердили, что мы уже приняты на последующую учебу. В этот же вечер все четыре выпускные группы качественно отметили завершение учебы в столовой техникума (знаю, что в эту ночь часть наших стариков-выпускников, заранее сговорившись, побили коменданта общежития за некоторые мерзости, которые он, пользуясь властью, иногда сотворял). Всех, кроме принятых в военные институты и трех выпускников-отличников по четырем годам обучения (А. Богатырев, А. Ивановский, А. Годин; их сразу направили без приемных экзаменов продолжать обучение в институтах железнодорожного транспорта), попросили задержаться на три-четыре дня для распределения на работу. Мы же, «военные курсанты», распрощались с преподавателями и коллегами по учебе, обменялись домашними адресами, чтобы потом через родственников найти друг друга где-то в пределах СССР. Я собрал за два дня свой скарб и отбыл с ним в деревню ждать вызова на военную учебу. Рассказ дома о том, что я после каникул не направлен работать, а поеду учиться еще четыре года, вызвал некоторое недоумение. Однако совместно порассуждав, родители решили, что это даже хорошо, так как я бесплатно приобрету одну из давно очень желательных для меня радиоспециальностей, нужных и «на гражданке», причем кормиться и одеваться в период учебы я стану за казенный счет, а стать офицером советской армии очень престижно,

В деревне я начал работать в колхозе и помогать матери по дому, делал фотографии, смонтировал и наладил очередной радиоприемник, занимался ловлей рыбы, стал опять рисовать, несколько раз ходил за 13 километров на работу к отцу в новый построенный в мещерском лесу поселок Радовицкий мох, где начали промышленным способом добывать торф для тепло- и электростанций Подмосковья. В средней полосе России стояли прекрасные солнечные летние дни. Быстро летело время, и вот уже закончился август, а обещанный вызов мне из облвоенкомата так и не прислали. Дома обсудили эту непонятную ситуацию, и я решил подождать еще несколько дней. Но вызова так и не последовало. Поэтому рано утром 5 сентября в субботу (тогда она была рабочим днем) я поехал в Рязань, чтобы узнать свою судьбу. Добрался до Рязани, поднялся на холм, где стоял старинный рязанский кремль, и пошел по проспекту Революции в облвоенкомат. Вдруг увидел идущего навстречу мне майора, который «добровольно»

оформлял нас на работу в МВД. Я его, естественно, узнал, но прямо-таки закипел от негодования, вспомнив его недавние издевательства и молча прошагал мимо не поздоровавшись. Уже сделал шагов 10–15, как услышал окрик: «Герасимов, остановись!» – «Вот, гад, вспомнил все же!» – проскочило у меня в уме. Я встал, а он подойдя ко мне, удивленно спросил: «Герасимов, а ты разве не в тюрьме?» – «Майор, я с вами не играю, – ответил я. – А в тюрьме мне еще делать нечего». – «Постой, постой, – сказал он. – Там тебя давно уже ждет место на нарах!». И тут у нас завязался разговор. Я сказал, что только что приехал в Рязань и иду в облвоенкомат за направлением на учебу в военный институт. Майор тут же прервал меня, сказав, что учиться я никуда не поеду, потому что МВД СССР опротестовало вербовку облвоенкомата, ибо государство затратило на нас средства и мы как минимум должны отработать три года там, куда нас направит Родина. Все мои однокурсники давно получили направления на работу и трудятся на благо нашей страны, кроме Копылова, которому раньше всех удалось уехать в институт. А на меня больше месяца назад заведено уголовное дело, как на саботажника. Поняв, что он говорит серьезно, я сказал, что сначала узнаю о произошедшем в военкомате, а если все это окажется правдой, то сразу приду в облМВД. В облвоенкомате с сожалением в голосе подтвердили все услышанное от майора, добавив, что ведомство Лаврентия Павловича Берии оказалось мощнее военных служб, оно добилось отмены решений о направлении нас в институты, правда, ранее нас оформленные ребята уже убыли учиться военному делу. (Позднее стало известно, что И. В. Сталин действительно предоставил Берии огромные полномочия для скорейшего создания в СССР атомной промышленности и изготовления ядерного оружия.) А мы сильно подвели военкомат, так как разрядка по вербовке курсантов не была выполнена. И мне ничего не оставалось делать, как отправляться в облМВД.

Там выписали пропуск, и я зашел в кабинет, в котором находились два полковника. «Ну что, саботажник Герасимов? Тебя сейчас арестовать или чуть позже? А то вздумал еще жаловаться на МВД!» – произнес один из них, правда, улыбаясь, что позволило мне трактовать его слова как простое запугивание. Я сказал, что пока еще свободный человек, ничего не нарушал, ждал вызова на учебу и вот, не получив его, приехал по своей воле в Рязань и хотел бы услышать, как со мной будет решаться вопрос. Из дальнейшего разговора я понял, что тут уже меня ждали, а подтверждением служили лежащие на столе бумаги со сведениями обо мне. Один из военных подошел к висевшей на стене карте СССР и стал рассматривать восточную границу страны, водя пальцем по Сахалину, Камчатке, Колыме и Чукотке, рассуждая вслух об оставшихся незаполненными местах: «Ну, куда поедешь? На Колыму или на Чукотку?» – спросил он. Я ответил, что чем дальше, тем лучше, ведь за свои деньги разве повидеаешь такие экзотические восточные окраины и тамошнюю красоту, а за казенные это можно и сделать. Видя, что я не испугался, он произнес: «Да мы пошутили. На самом деле у нас направлений на работу уже не осталось, всех выпускников давно распреде-

лили, а оставшиеся вакансии мы отправили в отдел кадров МВД СССР в Москву. Но ордер на твой арест действительно оформлен. Поэтому мы сейчас выпишем тебе направление, и ты немедленно должен ехать в Москву и определиться там с местом будущей работы, пока еще свободен от тюремной камеры». И полковник сел заполнять бланк направления. Я объяснил, что немедленно поехать не могу, так как взял деньги на билет только до Рязани и обратно. «А сколько надо, чтобы съездить в Москву?» – спросил он. Я подумал и назвал сумму в 600 рублей (а это были по тем временам значительные деньги, позволяющие доехать до Москвы раз семь туда и обратно). Полковник начал заполнять второй какой-то бланк с печатью. После этого известил: «Вот направление в Москву. Тут адрес ОК МВД СССР (ул. Чкалова), фамилия работника, которому надо позвонить. А это – денежный документ, по которому на первом этаже получишь в кассе нужную сумму по предъявлении паспорта. Надеюсь, что ты понимаешь серьезность своего положения и сегодня же поедешь в Москву, так как я сейчас туда позвоню, что утром в понедельник ты явишься в отдел кадров». Я неожиданно стал богатым, получив эти «подъемные» деньги. Тут же отправился на вокзал, купил билет в купированный вагон до Москвы и через несколько часов уже ехал в поезде, ничего не сообщив об этом родственникам, так как надеялся решить все в понедельник и тут же вернуться в деревню за вещами.

А дома, как я узнал об этом позднее, поднялась жуткая паника. Я ушел на станцию в 3 часа утра, а в 6-30 явились к нам участковый милиционер и два гражданских лица, предъявив ордер на мой арест для привлечения к суду за неявку на работу в МВД. Тогда «прогульщиков» карали очень строго, ибо действовал указ Сталина, согласно которому за опоздание на работу на несколько часов давали тюремный срок не менее 5 лет лагерей, и мать слышала об этом. А я прогулял уже более 20 дней. Мать сказала пришедшим, что я утром уехал в Рязань, рассказала им всю мою ситуацию и что я никаких извещений о чем-либо не получал. Они выслушали ее и, не очень поверив, обыскали весь дом, двор, сеновал, сад-огород и баню, после чего удалились. Когда же я не пришел домой вечером, мать и отец решили, что меня арестовали где-то по пути или в Рязани и я сижу уже в кутузке не виноватый, так как честно дожидался вызова на учебу и никаких других повесток не получал.

Коснусь теперь судьбы остальных четверых завербованных (трое из них несостоявшиеся военные курсанты). Копылов Александр стал офицером, успешно служил в танковых войсках, затем закончил академию, отбивал нападение китайцев на наши пограничные войска в 1969 году на острове Доманском (в русле Амура), потом занимался обучением военных на Кубе и вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта, проживал в Подмосковье. Крылов Василий уехал в Новосибирск, работал там на стройках с заключенными, закончил заочно Новосибирский строительный институт, в последнее время был начальником Комбината по разработке новой строительной техники. Был женат, у него две дочери. Я с ним наладил переписку. Случайно встретились в 1983 году в Москве на на-

бережной Горького в гостинице Минсредмаша, находясь оба в командировках. Естественно, проговорили до утра, вспоминая прожитое и коллег по общаге и учебе. Как мне позже сообщила дочь Василия, он скончался в 1996 году от онкологического заболевания и похоронен в Новосибирске. Колдашов Николай работал сначала в Красноярске, а затем – в Новосибирске. Он тоже закончил заочно строительный институт, был женат, имеет сына. Я с ним переписывался до 1959 года, а потом ответы перестали приходить. Колотилин Саша работал в Красноярске и, к глубочайшему сожалению, был убит там заключенными через три года. Это был красивый и физически крепкий парень. Как рассказывал Крылов, на Колотилина напали взбунтовавшиеся заключенные; он легко мог убежать, выпрыгнуть из окна или позвать на помощь охрану, но Александр понадеялся на свою ловкость и силу. Увы! От кусков толстой стальной арматуры в руках нескольких человек трудно уберечься.

Прибыл я в Москву утром 6-го сентября в воскресенье и отправился к своим родственникам на Цветной бульвар. В понедельник я был принят в МВД СССР, где меня сразу заставили заполнять чернилами разные бланки с занесением в них моих анкетных данных, родителей и сестер, написал автобиографию, причем документы надо было составлять в нескольких экземплярах и без единой помарки. Следовало вспомнить, напрягая мозги, где появились на свет родители, а также сестры, бабушки и дедушки, чем занимались, репрессировался ли кто из них и когда, находились ли на оккупированных территориях, имелись ли отклонения от линии КПСС, не пребывали ли в других партиях, кроме партий большевиков и КПСС... Я кое о чем не имел представления, поэтому занес сведения как бы с моего понимания их в прошлом. Однако я не отметил, что дед служил офицером в царской армии и участвовал в войне с немцами в 1914 году. Правда, не потому, что я хотел это утаить, а из-за надобности последующих придумываний номеров воинских частей, фронтов, местностей, чего я, естественно, не знал. Но позже мне никогда никаких замечаний о неточностях в анкетных данных не делали. Может быть, для сути дела они были неважными, а, вероятнее всего, их компетентные проверяющие органы не нашли в архивных материалах. Сделано было несколько разного размера моих фотографий. Затем еще в течение почти трех дней заполнил массу других бланков. Когда, наконец, в четверг были исполнены все требующиеся документы, мне на вопрос о непонятной надобности такой бумажной волокиты ответили, что это нужно для детальной проверки по изложенным данным соответствующими службами (подразумевалось министерство государственной безопасности) возможности допуска меня к работам закрытого характера (в облвоенкомате бумаг заполнялось меньше). В субботу утром на седьмой день пребывания в Москве меня официально известили в отделе кадров, что основные сведения по документам уже проверены, я допущен к секретным работам и потому зачислен на работу с субботы (с момента моего появления в Рязани) и мне уже выписана трудовая книжка, что в настоящее время специалисты-строители очень нужны для скорейшего за-

вершения по решению ЦК КПСС строительства новых зданий Московского государственного университета (МГУ) имени В. И. Сталина (после его смерти в 1953 г. стал имени М. В. Ломоносова) и потому я направляюсь в Главпромстрой МВД СССР, который этим и занимается. Начальником Главпромстроя является генерал-полковник Александр Николаевич Комаровский (с 1972 г. – генерал армии), который в годы войны был заместителем начальника Главного управления оборонительного строительства, Герой Социалистического Труда (1949 г.), доктор технических наук (1956 г.), лауреат Сталинской и Ленинской премий. Наряду с другими работами в Москве, Подмосковье и на территории СССР Комаровский руководил строительством МГУ и бассейна на месте начатого еще до войны сооружения Дворца советов. Позже о работе на этом посту он написал любопытную книгу автобиографического характера [8], в которой много говорится об использовании на промышленных и жилых стройках в основном заключенных в качестве дешевой рабочей силы. (Отмечу, что Дворец советов по проекту известного советского архитектора Б. М. Иофана, увенчанный гигантской многометровой фигурой В. И. Ленина, должен был быть воздвигнут на месте взорванного в 1931 году храма Христа Спасителя, построенного во второй половине XIX века на собранные у народа деньги «в благодарность Богу» за победу над Наполеоном и на «память последующим векам». Большую художественную ценность представляло внутреннее убранство храма. Его создали лучшие скульпторы того времени – П. К. Клодт, Н. А. Рамазанов, художники – В. В. Верещагин, К. Е. Маковский, В. И. Суриков. Перед Великой Отечественной войной начали делать мощный монолитный железобетонный фундамент Дворца. Однако внезапно фундамент начал проседать. Попытки нарастить его высоту и «заморозить» грунт под основанием фундамента не привели к положительным результатам, и тогда строительство Дворца приостановили. Верующие люди говорили, что это Христос так наказывает коммунистов-безбожников за гонения на веру. После войны котлован вместе с фундаментом оказался заполненным водой, и тогда было решено построить тут крытый бассейн. Вот его и сооружал Главпромстрой.) На мой недоуменный вопрос, как же я буду руководить работами заключенных, ведь на сооружении МГУ, согласно публикациям в газетах и передачам по радио, ударно работают исключительно комсомольцы, будущие студенты МГУ, один из офицеров с улыбкой ответил: «Вот придете послезавтра на стройку, таких там встретите ударников и убийц со сроками до 25 лет, что ужаснетесь!». Далее сообщили, что жить придется в общежитии квартирного типа в Кунцево, добираться туда надо с Белорусского вокзала на электричках. Время в пути около 30 минут. Я ответил, что послезавтра на стройку не попаду, так как мне надо съездить домой за теплой одеждой и другими вещами, и рассказал им всю мою «одиссею». Еще сообщил, что для поездки домой и обратно в Москву у меня нет денег. Нет денег и на еду. «А сколько Вам надо?» – спросил один их офицеров. Так как я был уже финансово подкован, то смело назвал 700 рублей. Мне немедленно выписали и выдали очередные «подъемные» и сказали, чтобы

после возвращения я сразу зашел в отдел кадров и взял направление на работу и в общежитие. (Удивительно, но выданные мне в Рязани и Москве деньги так у меня никогда и не вычли, хотя настоящие «подъемные» я все же получил, оформившись на работу в Управление строительства МГУ.)

На оставшиеся от Рязани и вновь полученные деньги я купил новые рюкзак и чемодан, костюм и ботинки, а для домашних – колбасу, сыр, сладости и другие продукты (многое из этого приобрести тогда можно было только в Москве.) Заехал попрощаться к родственникам на Цветной бульвар и счастливый отправился в деревню. Мать и сестра Клавдия буквально остолбенели, увидев меня, без сопровождения милиционера, живым и невредимым, без грусти на лице и даже с новыми вещами, покупками и подарками. Они пересказали быстро о произошедших событиях и о своих переживаниях в связи с этим. Я, в свою очередь, поведал им о моих похождениях. Чтобы успокоить отца, я на следующий день сходил к нему работу в Радовицкий мох и все ему рассказал. Дома я уложил свои рисунки, заготовки, краски, кисти и карандаши, материалы и детали радиоприемников, различные инструменты, и все нужные мне вещи в новые чемодан и рюкзак и отправился на первую мою уже официальную службу Родине, чтобы «отработать затраченные ею средства на мое обучение в техникуме», о чем не один раз мне напоминали в структурах МВД

11. Я СТРОЮ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

По возвращении в Москву я поехал с вещами устраиваться на проживание в Кунцево. В бумаге был адрес: Кунцево, 3-й район, дом 1. Долго спрашивал встречных, где этот район, но все пожимали плечами и никто сказать ничего не мог. Пришлось обратиться в милицию. Там дежурный тоже долго выяснял и, наконец, сообщил, что это почти рядом со станцией, но в зоне за колючей проволокой, где строят дома заключенные. «Как в зоне? – удивился я. – Мне же жить там постоянно надо!» – «Идите, там, наверное, разберутся». Оказалось, недалеко от железнодорожной станции огорожена колючей проволокой территория со смотровыми вышками и вооруженными солдатами-часовыми, в которой заключенные (далее везде это слово будет приводиться сокращенно, как тогда было общепринято «з/к»; правда, в официальных документах, если речь шла об одном человеке, писалось «з/к», если же говорилось о двух и более лицах, то писалось «з/к з/к») строят двухэтажные дома, по-видимому, по типовым проектам, по которым несколько позже начали застраивать в г. Арзамасе-16 улицы Берии (ныне Гагарина), Пушкина и частично Чапаева, Фрунзе и Шверника. На проходной в зону я показал офицеру направление, и он подтвердил, что это здесь: «Один дом недавно сдали в эксплуатацию, и в нем несколько квартир уже заселены. Смело идите вон в тот двухподъездный дом. Там дежурные вас заселят и выпишут по-